

www.Litmeridian.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Выходит с января 2008 года

№ 2 (52)
ФЕВРАЛЬ

2012

**Статью Русланы Ляшевой
«Это древо искусства вечно зеленеет»,
посвященную юбилею великого
русского писателя Александра Фадеева,
читайте на с. 6**

**«Волшебную историю»
Евгения Вальса
читайте на с. 7**

**Подборку стихов
Натальи Бедной
«Слепой дождь»
читайте на с. 15**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Февраль 2012 года
№ 2 (52)

Главный редактор – Владимир КОСТЫЛЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Г.В. БОГДАНОВ, зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

С.Д. БАРАБАШ, г. Владивосток.

А.К. КАПИТАН, г. Владивосток.

И.В. КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Э.В. КОЧЕТКОВА, г. Владивосток.

А.А. ТРАПЕЗНИКОВ, г. Москва.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

И.В. БАНКРАШКОВА, г. Хабаровск.

Н.А. ЗИНОВЬЕВ, г. Кореновск.

Ю.Н. КАБАНКОВ, г. Владивосток.

В.Я. КУРБАТОВ, г. Псков.

Р.П. ЛЯШЕВА, г. Москва.

Г.В. НАЗИМОВ, Калифорния, США.

В.В. ПРОТАСОВ, г. Владивосток.

В.М. ТЫЦКИХ г. Владивосток.

Учредитель: Костылев В.А.

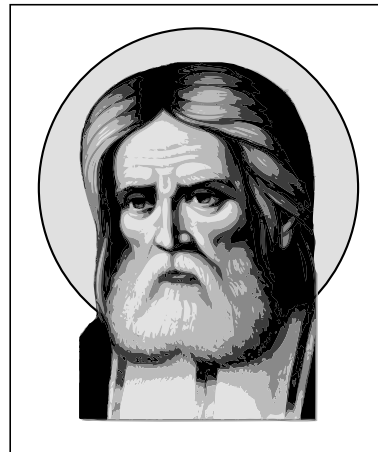
Соучредитель: коллектив редколлегии.

Арсеньев
2012

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

- с. 3. **Разрешите представить.** Александр КАПИТАН
- с. 4. **Событие.** Эльвира КОЧЕТКОВА
- с. 6. **Путеводитель.** Руслана ЛЯШЕВА
- с. 7. **Проза.** Евгений ВАЛЬС
- с. 8. **Пристальный взгляд.** Владимир ТЫЦКИХ
- с. 13. **Поэзия.** Марианна СМИРНОВА
- с. 14. **Поэзия.** Иван ШЕПЕТА
- с. 15. **Поэзия.** Наталья БЕДНАЯ
- с. 16. **Поэзия.** Елена РОДЧЕНКОВА
- с. 17. **Драматургия.** Максим ЗАРЕЗИН
- с. 20. **Маэстро.** Евгений ВЕСНИК
- с. 22. **Из первых уст.** Лидия СЫЧЕВА
- с. 25. **Проза.** Наталья ЛИСИНА
- с. 26. **Проза.** Виктор БУСАРЕНКО
- с. 27. **У подножия Парнаса.** Игорь ФЕДОРОВСКИЙ,
Вера КРАСНОВА

Ежемесячник
«Литературный меридиан»
основан 15 января 2008 года,
в день памяти святого преподобного
Серафима Саровского чудотворца

ТРОПАРЬ, ГЛАС 4

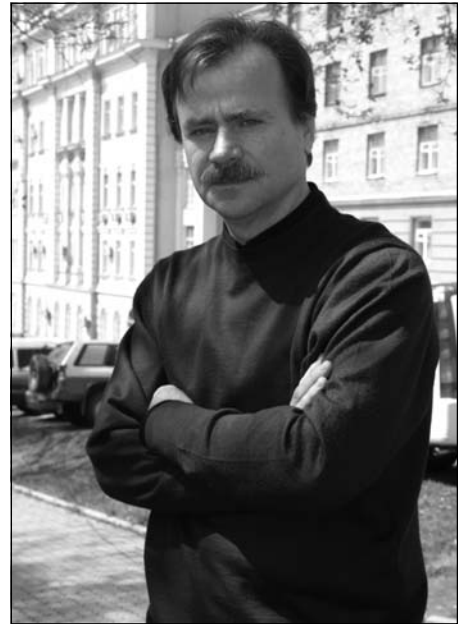
От юности Христа возлюбил еси, блаженне, и Тому Единому работати пламенно вожделев, непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвизался еси, умиленным же сердцем любовь Христову стяжав, избранник возлюблен Божия Матере явился еси. Сего ради вопием ти: спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче наш.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Если вы готовы помочь нашему изданию регулярно выходить в свет, развиваться и радовать почитателей изящной словесности качественной литературой, если желаете одарённым литераторам найти своего читателя – в ваших силах совершить перевод любой приемлемой для вас суммы на счет «Литературного меридиана». Номер нашего счета в системе Яндекс-деньги: **41001884919176** Перевод можно осуществить в любом отделении **Сберегательного Банка России**, а также в Интернете.

**Александр КАПИТАН,
г. Владивосток**

В нашей новой рубрике мы планируем представить читателям сотрудников редколлегии, членов общественного совета «Литературного меридиана», а также неравнодушных авторов-подписчиков, чьими стараниями «ЛитМ» выходит в свет.

Редакция

Александр Кириллович –

проректор по творческой работе Дальневосточной государственной академии искусств, профессор, заслуженный артист РФ.

В 1981 году окончил Дальневосточный государственный институт искусств по классу «баяна» (класс заслуженного деятеля искусств РФ, профессора Г. Низовского).

В 1986 году окончил ассистентуру – стажировку Российской академии музыки им. Гнесиных (класс народного артиста РФ, профессора Ф. Липса).

С 1981 г. – преподаватель, с 1993 г. – доцент, с 2003 г. – профессор Дальневосточной государственной академии искусств по классу баяна.

В 2001 г. А. Капитану присвоено почётное звание «Заслуженный артист РФ».

За достижения в области музыкального исполнительства в 2001 г. А. Капитан награждён премией Губернатора Приморского края.

Руководитель проекта «Исполнительское искусство на русских народных инструментах в Приморском крае, как сохранение и развитие национального искусства в современных условиях», удостоенный Гранта Президента РФ в 2007 г.

Александр Капитан – артист ансамбля «Русское инструментальное трио "Владивосток"» – лауреат многочисленных международных конкурсов.

Вузовский стаж – 30 лет. Подготовил 50 выпускников, которые успешно работают в учебных и концертных заведениях Сибири и Дальнего Востока. Студенты класса А. Капитана показывают высокий уровень профессиональной подготовки на Государственных экзаменах, кафедральных и внутривузовских конкурсах; ведут активную концертную деятельность на Дальнем Востоке, в Сибири и за рубежом. Среди учеников лауреаты международных и всероссийских конкурсов – И. Шкаробейников, И. Акчуваков, С. Суханов, Н. Пикутский, А. Бредихин, Т. Киселёва, Е. Слинко, А. Иванов, С. Герасимов, Т. Буданова.

На Дальнем Востоке А.К. Капитан впервые исполнил сочинения для баяна С. Губайдулиной, М. Броннера, С. Беринского, В. Зубицкого, А. Пьяцоллы, Р. Гальяно и др. В 2007 г. состоялась Российская премьера концерта для баяна и камерного оркестра финского композитора Аулиса Саллинена «Вариации Варравы». Он первый отечественный баянист, выступивший с японским симфоническим оркестром. В 1993 г. в сопровождении Хиросимского симфонического оркестра (дирижёр Т. Танака) прозвучала Симфония «Робусто» В. Зубицкого.

С 1995 г. А.К. Капитан сотрудничает с ансамблем камерной музыки «Кончертоне».

Им было записано семь CD как сольных так и в составе инструментальных ансамблей. Высокий уровень исполнительского мастерства А.К. Капитана подтверждён на Всесоюзных и международных конкурсах. Он лауреат Всесоюзного конкурса им. И. Паницкого (Бишкек, 1990, диплом 1-й степени), в составе трио «Владивосток» является лауреатом Международного конкурса им. Г. Шендерова, Россия, 1997 г. – Серебряный диплом; 17-го Международного конкурса «Grand Prix», г. Бишвиллер, Франция, 1997 г. – Гран-при и золотая медаль; II Международного конкурса баянистов-аккордеонистов, г. Пекин, 1999 г. – 1-я премия; 38-го Международного конкурса баянистов-аккордеонистов, г. Клингенталь, Германия, 2001 г. – 3-я премия.

Автор и составитель сборников концертного репертуара для баяна и ансамблей народных инструментов; автор многочисленных публикаций в периодической печати.

А.К. Капитан принимает участие в качестве члена жюри в работе многих международных конкурсов. Является членом Руководящей группы «Межрегиональной ассоциации баянистов и аккордеонистов» (МАБА, г. Москва).

ДОРОГИЕ МОИ «ПАРУСА»

Эльвира КОЧЕТКОВА,
г. Владивосток

Тогда, в 2002 году, казалось: всё это несерьёзно. Стишки, вечерние посиделки, дебаты... Просто отдых после настоящих серьёзных дел: лекций, лабораторных и практических занятий с курсантами на кафедре физики. Я не могла предположить, что встреча с литературной студией изменит мою жизнь в корне, почти на биологическом уровне, почти до сердечного ритма... Но сегодня, через десять лет, понимаю: приход в студию «Паруса» в Морском государственном университете стал для меня вторым рождением. И не только для меня. Такое уникальное в техническом вузе явление, как литературная студия, позволило раскрыться с творческой стороны многим моим коллегам, преподавателям «сухих теорий», будущим мореходам и бывалым мариманам, уже отстоявшим свою последнюю вахту. Люди морской профессии или просто живущие у моря оказались, как положено, романтиками, имеющими свой взгляд на жизнь и особый опыт, которым хотелось поделиться. Стало ли это Литературой – покажет время. Только штормы, штили, дальние походы и просто жизнь, увиденные глазами студийцев и нашедшие своё отражение в их произведениях, – это десятилетняя история, законно вставшая на полки морского музея. И – живительная память людей, которым есть что рассказать другим: детям, внукам, знакомым и незнакомым современникам и тем, пока неизвестным, читателям, кто когда-нибудь возьмёт в руки книги, рождённые нашими «Парусами».

Как тепло, со всеми драгоценными подробностями, мы вспоминаем о детстве, так я вспоминаю о детстве литературном. Это значит – о студии. «Парусам» исполняется десять лет! Я имею сегодня радостную возможность рассказать о том, как всё было.

Явился случай. Кто-то, встреченный в коридорах вуза и знавший о моих поэтических пробах, выронил набегу: «А у нас теперь есть литературная студия...» Тогда это произвело такое же впечатление, как если бы этот кто-то сказал, например: «В вашем расписании поменяли местами вторую и третью пары...»

Не знаю, зачем задержалась в объявленный день после занятий, почему не пошла домой, где ждали муж и двое маленьких детей, зачем понесла свои несчастные строчки на суд неизвестных мне людей в зал заседаний на втором этаже главного корпуса. Помню сидевших рядом и напротив за овальным продолговатым столом, помню поимённо, в лицах и взглядах, голосах и жестах. До слова, до интонации... Владимир Тыцких, Юрий Кабанков, Вячеслав Протасов, Сергей Юдинцев, Олег Матвеев, Валерий Кулешов, Марианна Смирнова, Николай Китайский, Виталий Голдобин, Анастасия Осокина... Второе заседание студии – первое в моей жизни. Позже появились Владислав Гуса-

ров, Сергей Барабаш, Евгений Антипин, Галина Якунина, Елена Глебова, Ольга Левашова и многие другие.

Сегодня хочется понять, что происходило в тихом вечернем пространстве зала заседаний, куда после работы сходились, съезжались, забредали очень разные люди. Чего искали там для себя? Душевного разговора, совета, поддержки? Вело ли их одиночество, влекла ли красота поэтического слова, притягивали какие-то люди или жажда познания собственных возможностей, стремление ощутить, увидеть свой предел и попробовать приблизиться к нему... А может быть – банальное тщеславие, в центре которого – желание увидеть свой текст напечатанным? И в какой мере они получали то и другое, и что происходило со мной?

Припоминаю своё любопытство. Простое человеческое любопытство к миру, которое привело когда-то на физфак. Интерес к материи словесной как к чему-то вершинному в человеческой деятельности лежал глубже. Он оставался неосознанным, но он был, таился и ждал своего часа. Этот интерес, на мой сегодняшний взгляд, должен присутствовать во всяком мыслящем человеке и однажды в какой-то счастливый момент явить себя. Как необременительная склонность, или обязывающая способность, или мучительный талант. Склонность, способность, талант быть писателем или читателем. Причём, читателей должно быть непременно больше, и быть читателем надо тоже учиться. Студия учила и этому. Так я считаю сегодня.

Мои стихи «разгромили». Однако в этом «разгроме» и кроется тайна, содержится какой-то изначальный смысл, которые многое определили на годы вперёд. Жалею об отсутствии подробной записи. Поговори со мной по-другому, я бы, возможно, никогда туда не вернулась и больше ни строчки не написала. А тогда чувство красоты и что-то ещё (может, логика, как ни странно) позволили увидеть красоту и убедительность аргументов. Помогло равное открытию ощущение таланта, редкой терпимости, честности и несомненной природной интеллигентности говорящих.

Остальные новички подвергались ни больше, ни меньше – ровно таким же экзекуциям. Думаю, многим из них не хватило смирения, веры в возможность существования вне себя кого-то Умного и Знающего. Победили гордыня, самоуверенность, глухота, затмившие способность к самокритике, а значит, и к саморазвитию. Кто-то заранее ставил себя на пьедестал, на вершину и был обречён двигаться дальше по единственно доступной траектории – траектории падения. Новички менялись, я видела их разные и в то же время схожие человеческие реакции, после которых многие студию покидали. В других интерес к Слову

усиливался, подпитывался атмосферой творчества и дружеского соучастия, утвердившимися в студии. Анализ самодельных текстов, учёба на ошибках и классических примерах, дискуссии, споры – всё здесь было настоящим. Любой вопрос самого неискушённого «приготовишки» не оставался незамеченным, находил ответ, благодаря людям, составляющим «мэтрическую» основу «Парусов». Писатели, мягкие в остальных проявлениях, в части, касающейся красоты и гармонии текста, были тверды и упрямы. Никогда не забуду услышанного там: правду надо заслужить. И сегодня я понимаю: красота – это прежде всего правда, а правда есть красота. Правда и Красота не подведут. Однажды Владимир Тыцких, заметив мои творческие муки, произнёс: почему ты решила, что должна быть счастливой? Совершенно миролюбивый Вячеслав Протасов на мои «легко пришедшие строки» возразил: стихи должны рождаться с кровью. Конечно, в такой литературной «кухне» мог выжить не всякий, но если выживал – то не зря.

Студийцы правили тексты, шлифовали рифмы и обретали плодотворное единство взглядов и оценок. Их творчество начинало жить на страницах одноимённых альманахов «Паруса», издание которых в морском университете на несколько лет стало доброй традицией. На обложках – фото авторов, галерея знакомых лиц: студенты и преподаватели, учёные и библиотекари, курсанты и бывалые мореходы. Сегодня многие разлетелись по стране и по миру, но никто из них не забудет своего первого печатного слова, пусть не особенно выдающегося, не очень художественного, но обязательно искреннего, немножко морского и непременно дальневосточного. И знаю по себе – новичкам, дебютантам очень важно, что рядом с ними на страницах всех четырёх сборников, успевших выйти в свет, опубликованы профессионалы, признанные мастера художественного слова. Это обстоятельство тоже способствовало тому, что для кого-то из авторов-студийцев литература постепенно стала жизнью.

Сегодня «Паруса», в силу неодолимых причин, покинули «территориальные воды» морского государственного университета. Одновременно ушла и традиция регулярного издания литературного сборника. Однако теперь «Парусам», как кораблю в открытом океане, сопутствуют иные свежие ветры, видны неожиданные горизонты, открываются новые возможности.

Целый ряд проектов, в которых студийцы принимают непосредственное участие, вышли за географические пределы Приморского края и Дальнего Востока: Арсеньевский культурно-просветительский ежемесячник «Литературный меридиан», издательская программа «Народная книга», журнал «Сихотэ-Алинь» и автопробег, посвящённый Дням славянской письменности и культуры, находятся в поле зрения центральной прессы и критики, сети Интернет, российских и зарубежных читателей и писателей.

Родство студии с «Литературным меридианом», что называется, кровное и неразрывное. Авторами ежемесячника, который так и просится стать толстым

журналом и не становится им лишь по финансовым причинам, являются многие студийцы. Планка, заданная изданию главным редактором Владимиром Костылевым, для иных начинающих оказывается серьёзным испытанием и в то же время стимулом, подвигающим на развитие в литературном творчестве. Многих из них в будущем, несомненно, ожидает радость дебюта. Главного же редактора очень хочется поблагодарить за твёрдость и принципиальность, за разборчивость в отборе материалов для публикации. Всемерно поддержать его в стремлении сохранить издание в качестве литературной площадки, дающей старт многим из нас, – одно из важнейших дел нашей литературной студии. Должна признаться, что и мои первые поэтические опыты появились на страницах «ЛитМ», и я никогда этого не забуду. Очевидно: с приподнятием художественной планки издания растут и авторы. Можно сказать, мы взрослеем вместе. Каждый номер ежемесячника становится желанным гостем очередного заседания студии, в процессе презентаций и обсуждений находит новых читателей, критиков и, конечно, авторов.

Другой площадкой для нас стал журнал «Сихотэ-Алинь». Попадание на его страницы через строгие фильтры редакционного совета – знак качества, серьёзное признание, открывающие дорогу в самые авторитетные периодические издания. Есть и встречное движение: многие известные авторы центральных изданий, считающихся флагманами отечественной периодики, всё больше признают «Сихотэ-Алинь» своим родным, русским журналом и активно сотрудничают с ним. Это наш вклад в создание единого литературного пространства, в сближение и объединение разрозненных писательских групп и отдельных литераторов. За это собрание на фоне всеобщего развала во всём, чем сегодня живёт русский человек, хочется сказать спасибо людям, составляющим редакционный совет журнала. Часть из них стояла у истоков нашей литературной студии и остаётся в ней по сей день.

Практически я всё время говорю об одних и тех же людях. Десятилетие – срок немалый. В одночасье исчезают сегодня государства. И невольно задумаешься, что же столь долгие годы цементирует отношения ничем не обязанных друг другу, самодостаточных и по-разному талантливых писателей, какими являются Вячеслав Протасов, Юрий Кабанков, Владимир Тыцких и Валерий Кулешов? Что заставляет их терпеливо возиться с «пишущим молодняком», править «кривые» строки, приходить на заседания «Парусов» в дождь и снег и – нередко – выслушивать обиды непризнанных гениев? Думала об этом не раз. И, наверное, знаю ответ. Это всё та же Правда. Кому как не им знать, сколь тернист путь к формальному и неформальному признанию, знать цену подлинного успеха и тяжесть вынужденного молчания, знать разницу между словом и Словом? Вновь и вновь открываю их книги, читаю красивые, добрые, уносящие ввысь строки и понимаю: судьба свела меня и моих друзей-студийцев с замечательными неординарными людьми, занимающими достойное место в литературе, с Учителями, которым не перестану быть благодарна.

ЭТО ДРЕВО ИСКУССТВА ВЕЧНО ЗЕЛЕНЕЕТ

Руслана ЛЯШЕВА,
г. Москва

Юбилей Александра Фадеева – 110-летие со дня рождения – прошёл в конце декабря 2011 года в атмосфере обычной для Москвы дискуссионности. Кем считать Фадеева – политиком или художником? Либералы, конечно, назвали политиком (Н. Сванидзе на вечере в ЦДЛ) и пропагандистом, то есть писателем-коммунистом (Евгений Лесин в статье «Смерть коммуниста», НГ Exlibris от 22 декабря 2011). А вот любители русской литературы назвали его художником, который сформировался под влиянием великого учителя Льва Николаевича Толстого (Сергей Есин в статье «Жизнь и гибель богов», «ЛГ», № 51 от 21-27), и крупным писателем в контексте мировой литературы XX века (Николай Анастасьев на вечере в ЦДЛ 20 декабря 2011 года). Та и другая точки зрения обуславливают и отношение к личности человека, страсти вокруг которого не утихли через 55 лет после его трагической смерти – самоубийства 13 мая 1956 года; вспыхнула целая гамма чувств – от желания развенчать до восторга. Евгений Лесин, например, доволен, что книги Фадеева исчезли из школьной программы: «Думаю, когда (или если? – РЛ.) за КПРФ перестанут голосовать миллионы, Фадеева вернут в школьную программу», – менторским тоном заявляет он в конце своей статьи. Похоже, опасается влияния книг на подрастающую молодёжь. И правильно делает, что опасается.

Художник классической, толстовской традиции на многих из нас в детстве оказал огромное влияние, что нашло своеобразное подтверждение на литературно-музыкальном вечере в клубе писателей ЦДЛ 20 декабря. Среди выступавших с воспоминаниями и размышлениями о жизни и творчестве Александра Фадеева была актриса Инна Макарова. Её речи предшествовала демонстрация эпизода из фильма «Молодая гвардия», того, где она в роли Любы Шевцовой танцует на сцене перед немцами, чтоб отвлечь врагов от поджога молодогвардейцами биржи труда.

Участники вечера посмотрели, вспомнили любимый с детства фильм, а потом с жадным интересом выслушали историю о фильме.

Оказывается, «Молодую гвардию» позволили снимать курсу ВГИКа, на котором училась в мастерской Сергея Герасимова молодая Инна. Чтобы посмотреть игру студентов и решить, кто на ка-

кую роль годится, на учебный спектакль «Кармен» пришли С. Герасимов, А. Фадеев, М. Ромм и другие кинематографисты и писатели. Инна Макарова была Кармен. Фадеев после спектакля сказал, что не знает какой была Кармен, но то, что эта студентка – Люба Шевцова, абсолютно точно. Фадеев предложил Инну Макарову. Потом была Сталинская премия за блестящую роль Любове Шевцовой, огромный успех фильма и артистическая слава на всю жизнь.

Пожилая женщина на сцене ЦДЛ была всё той же талантливой и непосредственной актрисой, что и в молодости; волна её эмоций словно разбудила большой переполненный зал. Люди вспомнили эпоху, свою молодость... Зал дружно поднялся и восторженно аплодировал актрисе. Долго её не отпускали...

Всё-таки Александр Фадеев – художник. Настоящий. Как Гомер, как Лев Толстой, как Шекспир, как Ремарк. То, о чём толковали выступавшие в ЦДЛ писатели, литературоведы, политики, как бы взорвалось эмоциональным фейерверком под воздействием Инны Макаровой.

Даже на юбилейном вечере Александра Твардовского в этом же зале несколькими месяцами ранее не было такого коллективного восторга, хотя Твардовский – личность не менее крупная. Видимо, творчество Фадеева было о молодых и для молодых, персонажи его книг вошли в наши души на заре «туманной юности», а глубокое эстетическое потрясение остаётся на всю жизнь. Вот мы, участники вечера, и благодарили продолжительными аплодисментами Инну Макарову за то, что она пробудила в нас самих, только юных и радостных.

Правильно сказал Сергей Есин, ведущий вечера в ЦДЛ, что ранние книги Фадеева – «Разгром» и «Молодая гвардия» – вечный миф, вроде бессмертных поэм Гомера.

Вспоминается полотно какого-то английского живописца, изобразившего молодую, радостно улыбающуюся девушку, и реплика зрителя: вечное обаяние молодости! Точно, искусство «пашет» глубоко, посевы и всходы зеленеют целые века, а иногда и тысячелетия. Человек, по словам Есенина, – странник; произведение же искусства – сродни явлению природы – реке или озеру; долговечно.

ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

(волшебная история)

Евгений ВАЛЬС,
г. Омск

В этот день погода не была благосклонна к объявлениям, развешенным на доске у автобусной остановки. Для них даже моросящий дождь мог стать настоящим стихийным бедствием. Они смотрели на серые безжалостные тучи и думали только об одном: чтобы ветер не переменял своего направления и холодные струи не ударили в доску объявлений.

Погоде всегда непросто угодить обитателям доски объявлений, и поэтому они часто оставались чем-то недовольны. Неудивительно, что они не отозвались радостным приветствием в ответ на появление нового «постояльца», тетрадного листка, которого приклеили канцелярским клеем поверх рекламы студии визажа, оставив от нее только гламурную рамку.

– Как вам это нравится, меня заклеили самой обычной запиской! – манерно возмутилась хозяйка рамки. – Никакого уважения к искусству!

– Прошу прощения за доставленные неудобства, – слегка смущенно отозвался новичок, – но у меня очень важная миссия.

Его слова вызвали шквал смеха. Даже оскорбленная рамка засмеялась так, что тетрадный листок едва не соскользнул с нее по еще не высохшему клею.

– Немного скромности, дружок, вам бы не помешало, – заметило рукописное объявление о продаже подержанных книг. – Берите пример с рекламы оптовой продажи игрушек. С момента появления здесь она не сказала ни слова, но наверняка ее миссия не менее важна, чем ваша.

– Миссия у него важная, – фыркнула реклама шейпинга. – Может быть, тебя отпечатали в типографии, а не просто разрисовали фломастерами?

И опять на новичка обрушилась волна смеха.

– Не стоит он вашего внимания, – заглушил всех бас объявления о грузоперевозках. – Кто на него посмотрит? Он ведь просто тетрадный листок.

– Теперь и на нас никто не посмотрит, – раздался писк двух выцветших объявлений о съеме квартиры, – красочная реклама, которую он закрыл, привлекла внимание и к нам!

– Ваше время, ушло, поэтому оставьте его и дайте насладиться коротким миготом важности, – послышался загробный голос из-под толщи объявлений и реклам. Призрак кашлянул и обратился к новичку: – А ты не кричи о своей важности, иначе будет больнее, когда тебя заклеят.

– Вы не понимаете, – всколыхнулся на ветру тетрадный листок, – у меня действительно очень важная миссия!

– Ну-ну, а я со своей рамкой должна висеть в галерее, – проворчала реклама студии визажа.

Она несколько раз пыталась скинуть заслонивший ее красоту листок, но вскоре поняла, что клей затвердел.

На доске объявлений воцарилось молчание. Ничего удивительного не случилось, так происходило с каждым

из них. Место новичка вскоре займет другое объявление, которое также будет убеждать всех в своей важности.

– А может быть, новое объявление действительно важное? – вдруг нарушил тишину тоненький голосок рекламы об оптовой продаже игрушек. Маленькая, но яркая листовка была хитро приклеена в правом верхнем углу и до сих пор еще не сказала ни единого слова.

– Смотрите, кто заговорил! – удивились вокруг.

– Теперь понятно, почему она молчала, – нашла новый объект для насмешек реклама шейпинга, – лучше молчать, чем говорить глупости.

– Да, первые слова – всегда глупость, – согласилась с ней реклама студии визажа.

Однако тоненький голосок не затих после услышанного.

– Но почему вы не хотите ему поверить?

– Наивное дитя! – вздохнул призрак: ему больше других было известно, что это невозможно. – Не нужно говорить о нашей важной миссии. Он скоро сам поймет. Ведь нас всегда читают не те!

Вновь на доске объявлений воцарилась тишина. Но теперь в ней не было оттенка разочарования. Слова кольнули каждого, а сильнее их ощутил тот, кто еще оставался новичком на доске объявлений.

– Вы колыхаетесь на ветру, не зная, для кого вы здесь развешаны? Вас всегда читают не те?! – возмутился тетрадный листок. – Может быть, без красочного оформления важность моей миссии и иллюзорна, но я не хочу истлеть здесь вместе с вами, вспоминая о «коротком миге важности»!

Призывая в помощники холодный ветер, он изо всех сил рванулся от доски объявлений. Не держась за нее прочно, тетрадный листок с легкостью покинул плоский фанерный мирок и понесся прочь, всецело отдавшись во власть стихии.

Он кружился в бешеном потоке ветра, разрушая бриллиантовые капли дождя и напоминая себе свободную белую птицу.

Намокший, в радужных разводах от расплывшегося фломастера, очень скоро он столкнулся с мимо проезжающим автобусом. Разбушевавшаяся стихия приклеила его к лобовому стеклу, и пассажиры смогли прочесть:

«Моя прекрасная незнакомка, я не сразу осознал, чем для меня стала встреча с тобой. Я искал именно тебя! Сейчас я надеюсь только на чудо!»

Я подал тебе руку, когда ты выходила из автобуса, а твой полосатый шарф зацепился за мои пуговицы. Я не позволю долго смотреть в твои зеленые глаза и с тех пор не могу их забыть!

Если ты еще помнишь меня, позвони...»

Объявление с надеждой наблюдало за тем, как девушка читает расплывшиеся строки. На ее губах расцвела улыбка, а рука скользнула в сумочку за телефоном.

ПОСМОТРИМ В ЗЕРКАЛО

Владимир ТЫЦКИХ,
г. Владивосток

Из книги «Мы ещё здесь»

В 2011 году в Приморском и Хабаровском краях восьмой раз состоялись Дни славянской письменности и культуры во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Традиционно по итогам этого необычного праздника выходят в свет книги, рассказывающие о том, как он проходил. В разные годы авторами этих книг были друзья «Литературного меридиана» Александр Гельбах, Василина Орлова, Эльвира Кочеткова. Работу над очередной такой книгой недавно закончил Владимир Тыцких. Две главы из неё мы сегодня печатаем.

«КОГДА-ТО БЫЛ», ИЛИ СИНДРОМ ХАЛИЛЕЦКОГО

А.

– И воркованье голубиных стай.
Как нежно крылья пёстрые толпятся.
От этих крыл – от этих крепостей
Хотел я лучше турманом подняться.

Б.

– Ну, а вот голуби-то, брат, без тебя вывелись... Которых пораспугали, которых поворовали, которые разброджались. И остался теперь один сизый.

Павел Васильев

В 1981, кажется, году, на зональном семинаре молодых в камчатской Паратунке, на старте четвёртого десятилетия жизни едва вылупившись в «начинающие», я получил от своего сверстника, но уже признанного московского поэта Ивана Слепнёва рекомендацию, которую помню дословно: «Володя, бросай стихи, переходи на прозу. Стихи поят, а проза кормит». Очень горько: о Ване ничего не слышно с первых постсоветских годов. И стихи давно не поят, а проза, если не считать отдельных исключений из правила, не кормит. Наверное, по этой причине многие писатели бросили литературу. То есть уже не пишут и даже не читают. Среди них немало талантливых.

Есть и другие – приспособившиеся, ухитряющиеся срубить какой никакой доходец с безнадёжного дела. Опять же не без приятных исключений, но, по большей части, это люди неталантливые. Если, конечно, не считать за талант умение как-нибудь обжулить жуликоватое время. Неподдельный литературный талант сегодня не нужен, против него ведётся война на уничтожение. В ней участвуют издатели, озабоченные прибылью. Естественно, им приходится махать хвостом перед кормящей дланью. А те, кто заказывает музыку, имеют свой простенький интерес. Много сделано, чтобы отвратить людей от серьёзной и честной книги. Здесь масса приёмов, начиная от литературных поделок, лёгкого читива, убивающего требовательный, здоровый читательский вкус, и заканчивая разгулявшейся чернухой и порнухой, чьё действие бесстыдно разрушает личность, опускает человека. И есть ещё безвредное, на первый взгляд, графоманство. Оно, если его

никак не ограничивать, топит художественное слово в мутном разливе малограмотного и совсем безграмотного сочинительства.

А главное, конечно, – создание таких условий жизни, когда просто становится не до книг.

Увы, в этом сомнительном деле немало преуспели сами творцы. И всегда-то существовало малопочтенное явление, о котором, в частности, писал в «Кофейне» Дмитрий Кедрин: «У поэтов есть такой обычай – В круг сойдясь, оплёвывать друг друга». Но всё-таки это было «вкруг сойдясь». Сегодня, по всему видно, никакого круга уже нет, там и сям остались отдельные кружочки, на них кое-что помаленьку ещё держится. А писательские свары-раздоры давно вышли за пределы профессионального цеха. Прав, прав Валентин Яковлевич Курбатов, когда горюет о том, что русская литература «побежала во все стороны... и собираться русской литературе становится всё труднее».

«Поэт» – почти шутовское стихотворение Бориса Климычева из Омска, посвящённое довольно когда-то известному дальневосточному писателю, первому руководителю Приморской организации СП СССР, автору 32 книг, лауреату серебряной медали А.А. Фадеева Георгию Халилецкому, выглядит ныне как программный документ эпохи, во многом определяющий современный литературный процесс: «Когда-то был Георгий Халилецкий, Его стихи я помню до сих пор, Тот Халилецкий был – поэт советский Я – спрятан за казарменный забор. Богат Георгий, как барон цыганский, Его стихи печатали тогда И «Комсомолец Тихоокеанский», И «Тихоокеанская звезда». А мне в ответ писали консультанты, (Я всех их удавил бы, если б мог), Что слабоваты у меня таланты: Плохая рифма и корявый слог. Нас гнал майор по плацу утром ранним, Я представлял, что в это время вот Поэт кайфует в запахе шафранном, Сидит в кафе и чёрный кофе пьёт. Наверно курит папиросы «Пушка», Покурит и с подружкой – в кедрач, А эта халилецкая подружка Такая симпатичная, хоть плачь. Да что подружка? Это слишком слабо. Вдали его завидев, кобеля, В момент во всём Владивостоке бабы Ложатся сразу сами в штабеля. Ах, я был глуп, как пуп у лейтенанта! Ну что стихи газетные? Сироп! В провинции у всякого таланта Не хватит денег даже и на гроб. Прости меня, Георгий Халилецкий! Тебя я понапрасну матом крыл. Ну что с того, что ты поэт советский? Едва ли ты особо счастлив был. В порту от якорей взлетали брызги, Георгий Халилецкий в гору лез, Его терзали жизненные дрыз-

ги, в редакции проблем был целый лес. Не признавала дальняя столица, и в творческой среде – полно врагов. Отчаянно хотелось удавиться, но чувствовал наверно – не готов».

Неспособность радоваться достижениям друг друга, столкновение самолюбий, зависть ослепляют литературный мир, заслоняют от писателей саму мысль о необходимости объединить творческие силы для спасения от общей напасти, пытающейся лишить нас дробной современной литературы.

Но ещё остались писатели, которые, может быть, преувеличивая значение слова для любимого народа, для его нравственного здоровья и самой, даже, жизни, не смотря на видимую бесполезность усилий своих, продолжают работать, продолжают писать и умудряются как-то печататься – по сути, занимаются тем, что в далёкие времена называли «хождением в народ».

Думается, значение художественного слова приращено искусственно, литература целенаправленно загоняется в тёмный угол, откуда её не видно и почти не слышно. Стало быть, литература кому-то мешает, и этот или эти кто-то, на самом деле, хорошо понимают, что слово не такое уж пустое дело, и ему опасно давать волю...

Шла Великая Отечественная война. Недалеко от прусского Кёнигсберга, будущего Калининграда, в немецком Инстербурге, который станет советским Черняховском, чудом уцелело от снарядов и бомб здание бывшего гестапо. Секретарь редакции газеты «Сталинец» капитан Жилмостных и художник старший сержант Ваганов обнаружили в нём библиотеку. Среди прочего на стеллажах фашистского застенка оказались переводы Пушкина, Толстого, Достоевского. Это не удивило фронтовых товарищей, полагавших, что немцы всё-таки нация культурная и, значит, должна уважать классическую русскую литературу. Удивила их особняком стоящая полка с томами Николая Островского «Как закалялась сталь». Старый немец, единственный, кого Жилмостных и Ваганов застали в застенке Инстербурга (поражённые, не догадались выяснить, кто он здесь и зачем), на недоумённый вопрос гостей ответил: по этой книге гестаповцы изучали русский характер.

Несколько неслабых поколений наших людей учились по этой книге жить, воспитывая в себе этот самый характер. Потом этот характер не просто поставил в тупик «подлинных арийцев», но сделал то, что всему миру казалось невозможным, – поверг в прах «непобедимый тысячелетний» рейх.

В теперешней России роман «Как закалялась сталь» выброшен из школьной программы.

К нему можно относиться по-разному. Но его необходимо читать. Хотя бы потому, что, пусть не совершенный, пусть заслуживающий критики и даже, может быть, в чём-то – осуждения, герой романа Павка Корчагин, так же, как и его создатель Николай Островский, в отличие от нас, от подавляющего большинства наших современников, имел право сказать на столетия вперёд: «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она даёт ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёл позор за подленькое и меленькое прошлое,

чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества».

Что – человечество уже свободно? Или люди, которые не хотят, чтобы их жёл позор за подленькое и меленькое прошлое, перестали рождаться?

«СПУСТИТЬ КРОВИ АДРЕНАЛИН», или ЗА ЧТО БОГ ХРАНИТ АВТОРА?

Уж сколько раз зарекался: что, мне больше всех надо, что ли? Давно «лета к суровой прозе клонят». Чирикай себе безобидно поворобьиному или пописывай в старческом маразме сопливые стихи, убеждая себя самообманом неутраченной поэтической состоятельности. Бывает, заходят ко мне восторженные, молодящиеся на восьмом десятке дамы и, зная, что по мягкости натуры я не вышибу их со стихотворным бредом сивой кобылы, упоённо напрягают меня этим бредом. А скажи правду – смертельно обидятся.

Александр Шубин

Учёный лингвист с мировым именем Вячеслав Всеволодович Иванов в интервью для «Московских новостей» отвечает на вопрос Татьяны Малкиной:

– У вас нет ощущения, что крупные люди кончились повсеместно?

Вопрос говорит о многом. То же и ответ:

– Кончились, да. Они сейчас по каким-то историческим причинам, по-видимому, не нужны. Наверняка с точки зрения науки можно утверждать, что генетически одарённых людей должно быть примерно столько же, сколько всегда. Конечно, в России меньше – по причине того, что мы называем антиотбором, то есть из-за массовой гибели и вынужденной эмиграции людей. Но в большинстве стран, хоть там этого антиотбора не было, всё равно результаты очень плохие. Для современного этапа глобального капитализма, по-видимому, наличие очень одарённых людей скорее даже не нужно, оно мешает усреднённому благополучию основного населения.

Безоговорочно согласиться здесь следует с двумя тезисами: что «генетически одарённых людей должно быть примерно столько же, сколько всегда», и что «результаты очень плохие». Об антиотборе применительно к России в ближней и дальней ретроспекции говорить можно, но эта тема отдельная. А тот «антиотбор», связанный с массовой гибелью и вынужденной эмиграцией, о котором говорит учёный, вряд ли принципиально повлиял на соотношение гениев и бездарей в нынешнем нашем отечестве. Во-первых, это отнюдь не исключительно российское достижение, в разные времена в разных странах случались и массовая гибель, и массовая эмиграция. Результаты могли быть всякими, но никто не выявил и не показал математически-статистически зависимость от того и другого пропор-

ций между умниками и дурнями. Во-вторых, массовая гибель с вынужденной эмиграцией касались не исключительно «крупных людей». Эти каточки закатывали и закатывают всех без разбору. И, допустим, сегодня наряду с выдающимися электронщиками с родной земли в немалом числе съезжает народ попроще, вплоть до неважно учившихся – и впрямь в массовом количестве – в средней школе проституток.

Особнячком стоит вопрос о том, что одарённые люди якобы мешают «усреднённому благополучию основного населения». Капитализм (речь, как мы видим, опять о нём, родимом), по большому-то счёту, плевать хотел на всё и всякое «благополучие основного населения». Уж если он на что тратится, то должен извлечь из этого свой конкретный интерес. В итоге приходится признать, что повсеместная «кончина» «крупных людей» есть всецело заслуга денежного мешка. Вот уж кому эти «крупные» ни с какого боку не потребны. Мешку главное – стать самому как можно более крупным.

И тут-то всё начинается по-настоящему. Они, эти, которые «крупные», правда исчезли? Почему мы их не видим? Пену всякую видим, а они, выходит, «кончились»?

Да уберите Капицу с TV, и завтра вся страна может думать, что его вообще нет. Останется Собчак.

«Крупные» – штука, неудобная для любой власти. Любая власть их вынуждена терпеть постольку, поскольку, во-первых, без них не всегда можно обойтись, и, во-вторых, они рождаются, никого не спрашивая. Но чтобы этот беспокойный народец не шибко портил настроение и не лишал власть душевного покоя, его надобно держать на расстойке. И поелику возможно, в безвестности, даже хорошо бы – в полной изоляции от впечатлительного электората. Так править приятней, а кормиться справней.

Наверное, поэтому у нас появилась тьма дутых кумиров и кумирчиков: певцов без голоса, актёров без приличных ролей, писателей без достойных книг. У них простое назначение – занять место настоящих «крупных», которые могут не ко времени спеть свою песню, сыграть свою роль, написать свою книгу.

Художник Джон Кудрявцев просветил: у серого цвета 29 оттенков.

Серое теперь повсюду. Раньше было не меньше, наоборот. Но серость не то чтобы знала своё место – её просто не везде пускали, не давали большой воли, не позволяли разгуляться. Сейчас ей – раздолье.

Можно было бы не замечать. Однако все 29 оттенков имеют одно общее свойство – они агрессивны. Серое понимает: перестанет воевать за своё место под солнцем – навсегда останется в тени.

Примеров серой войны бесконечно много. Вот один такой пример – мелкий, как чаще всего и бывает, не стоящий, кажется, упоминания. Но, скажем так, с пролонгированным действием – докучает много лет, маленько уже надоело. А главное – докучает нашему другу, союзнику нашему, оказывающему существенную поддержку Дням культуры. Мы первые, кто просто обязан за него вступиться.

Дело ещё и в том, что, как верно заметил Иван Бунин, в будущем «звучат лишь письма». Если о ком-то из нас, неважно, очень «крупном» или не «крупном» совсем, кто-то по незнанию или с осознанным злым

лием напишет-напечатает насквозь выдуманную чушь, то ей желательно противопоставить написанную и напечатанную правду. В противном случае на её месте на веки вечные утвердится ложь. Вон на великого Павла Васильева в подходящее время столько вылили вранья, что добросовестные васильеведы до сей поры расхлебать не могут.

Не буду тратить время на подробности истории смешной и глупой, она муслируется давно и того не стоит. Займу дорогое читательское внимание лишь отдельными цитатами из книги, недавно вышедшей в городе Арсеньеве. «Юрий Константинович Головкин, мой муж, долго болел болезнью мужской простаты... Я лежала до конца с ним в хирургии горбольницы, в мужской палате». Далее Клара Головкина пишет о втором муже: «...в Партизанск он стал приезжать. Однажды, приехав снова, мы вместе поехали в Углекаменск. Это – для разминки. Как образец выдающего литературного стиля.

И – пойдём дальше. «Николай Николаевич Морозов учился в 9-й школе г. Арсеньева». Ещё чуть дальше: «Детство и юность прошли в г. Арсеньеве. Здесь он учился в школе № 9».

Ничего вроде особенного. Случайный повтор, не замеченный автором и редактором. Однако... «Николай Николаевич Морозов родился 3 февраля 1941 г». А через абзац: «В 1941-м году в семье трудолюбивой, дружной родился мальчик... Мальчика назвали Николаем». Очень мило, а всё-таки человек как будто немножко заговаривается.

Тут уж в пору и улыбнуться невольно. Но – чуть вернёмся назад и продвинемся вперёд: «работал фрезеровщиком на заводе «Аскольд», «работал фрезеровщиком на заводе «Аскольд». Это не компьютерный сбой – две одинаковых фразы спешат одна за другою. Видимо, автор и редактор предположили, что с одного захода читатель не поймёт. Или не запомнит. Или не оценит. И вдруг – даже – не поверит!

Потом нам выпадет удача дважды узнать о том, что герой публикации был «секретарем Арсеньевского горкома комсомола, ответственным редактором Арсеньевского городского радиовещания, корреспондентом газеты «Восход». И пять раз прочесть, что он «писал стихи». Причём не просто писал, а «издал уже 25 книг своих стихов». Если вы пропустили сию важную информацию, вот вам возможность исправить дело: «Н.Н. Морозовым уже издано 25 книг стихов».

Самое время, пожалуй, к ним и обратиться. К стихам то есть. Или к тому, что авторы-рецензенты-критики мужа-жены называют стихами. Да, правильной всего к ним и обратиться, хотя уже и вынырнула откуда-то из подсознания замечательная строка «Смотрю в тарелку небесов», после знакомства с которой зарёкся читать автора, чтобы не повредить вкус, и без того несовершенный. Но куда денешься – придётся от правила отступить.

Где-то у меня на полке стоят издания с произведениями Николая Морозова. Он, на самом деле, начинал неплохо, как весьма способный поэт...

Первое стихотворение – и не удержусь, приведу его полностью:

Вор

Истосковался вор по краже
Терпенья кончился лимит.
Быть ничего не может чаще.
За что же Бог его хранит?

Объект для кражи обозначен.
В момент удобный подойти:
Исход дилеммы однозначен, –
Зевнул, – и вор уже в пути.

Привычка тайно озираться,
Он видит всё, не то, что вы!
На "дело" – дважды два собраться,
Не напрягая головы.

Толкает вора безысходность?
Спустить крови адреналин?
Но сердца пылкого холодность
Оценит только он один.

За волю воровского дела
Готов пойти на всё, что есть!
Его душа – на допинг села
В обмен на праведность и честь.

Почти всё, едва ли не каждая строчка в этом непревзойдённом тексте радует глаз и вызывает душевный восторг у любителя подлинно изящной словесности. И ни малейших не остаётся сомнений, что для автора, так же, как и для его героя, «Быть ничего не может чаще», и он «Готов пойти на всё, что есть!»

А чтобы будущим исследователям литературы, биографам выдающегося словотворца было легче исследовать и подробней изучать, под текстом стоит дата изготовления шедевра: «20 октября 2004 г.» (Для ясности заметим: цитируемые произведения – сканированы, в них всё, как есть у автора, вплоть до отсутствия необходимых или наличия лишних точек-запятых).

Через два дня возникнет следующий шедевр.

Мой путь

И друг себе я, и – мучитель!
Единой Правдою живуч.
И сам Господь, мой повелитель,
Вручает дерзновенья луч.

.....

Перешагну барьер сомненья,
В такие дебри устремлясь, –
Что приоткроют путь явленья
Хитросплетений мудрых вязь.

Ещё бы чуточку пробиться
В непознанную мною суть.
И воедино с Богом слиться,
Достойно продолжая путь.

22 октября 2004 г.

Ничего тут комментировать я не решусь. Даже про «устремлясь» промолчу. Чтобы это комментировать

перед тем, как автор «воедино с Богом сольётся», надо иметь большое дерзновение. А выдающуюся строку «приоткроют путь явленья Хитросплетений мудрых вязь» слабому моему уму просто не постичь. Впору лишь завидовать автору, который, можно надеяться, прямым шагом шагает по «приоткрытому пути» к цели неведомой, но светлой и великой, о коей нам всем остаётся только мечтать. А вот на отдельные места стихотворения «В заводском саду» осмелюсь взглянуть внимательней. Но не с точки зрения литературного критика (это кто ж нам позволит?), а с точки зрения учителей, отмечавших красными чернилами наивные ошибки в школьной тетрадке. «Заковали красавицу Землю, Как невольницу, в серый бетон. С точки зренья удобства – приемлю Обособленных парковых зон». Проникнуть в смысл с ходу не получается, но малюсенькая формальная нескладушка слишком налицо: уж ежели «приемлю», то надо бы спросить, а что приемлю-то? Тогда, вроде, выходит: «приемлю обособленные парковые зоны». Следующий катрен по своим художественным достоинствам выглядит лучше прочих, поэтому приведём его без замечаний, скажем, для преемственности смысла, чтобы автор или его адвокаты не обвинили нас в выдёргивании цитат, искусственно умаляющем выдающиеся свойства. «Небольшие квадратики суши Позволяют ей все же дышать. Отдохнут здесь заблудшие души, Чтоб судьбу ее дальше решать».

И за третье четверостишие, говорящее само за себя, тоже запинаться не будем. «Только здесь и в разгар листопада Не почувствовать вольности блажь. И терпеть она вовсе не рада То забор или чей-то гараж». Впрочем – велика сила искусства! – не хочешь, да замрешь нечаянно, чтобы «почувствовать вольности блажь» и подивиться, как она, эта, очевидно, «вольности блажь» раздосадована, «И терпеть она вовсе не рада То забор или чей-то гараж».

Тут есть резон снова сказать, что я ничего, ни одной запятой, в тексте не убираю и не вставляю. Так же и в следующем отрывке:

Дождевого червя не увидишь!
Не живуч уже гумусный слой.
И нехочешь, но всё же обидишь
Пятачок тот метелкою злой.

Прогоним мысль о том, как пишутся частицы «не» с глаголами, и всё-таки, чтобы не блудить в тумане авторской мысли, пропустим восемь следующих строчек. Полюбоемся концовкой стихотворения:

На заборе луну нарисую,
Излучаемый солнечный диск.
А поодаль – девчонку босую,
Ради счастья идущей на риск.

Соберутся в беседке подруги,
Интересней им будет в обед.
И приятнее станет в округе,
Мне дороже занятия – нет!

Здесь, кроме определённости даты (какой урожайный был у автора день!), всё как-то трудновато постигается сознанием. Луна и солнечный диск – одно и то же? Если «девчонку босую», то, может быть, «идущую», а не «идущей»? Художник вправе нарисовать девчонку и идущей (плывущей, жующей – какой угодно). Но только в том случае, если после слова «босую» не стоит запятая. А здесь она стоит. Русский язык не капризен, просто у него есть чёткие правила, обязательные и для поэтов.

Любопытно: о каком «обеде» думать читателю, если даже «дождевого червя не увидишь»? Чем обедать-то собрались девчонки, луной нарисованной? Или тут «обед» – время дня? Тогда почему обед, а не утро-вечер? Вечер, наверное, логичнее. Все-таки – в беседе... Но тогда... Одно тянет другое.

Поэзия не терпит приблизительности, случайности, тем более бессмыслицы. Рифмованное непонятно что позволяет легко перепутать обед и бред.

Зададим последний (можно было бы и больше) вопрос: как бы узнать насчёт занятия, дороже которого для автора ничего нет? Узнали бы – может, и мы ради счастья пошли бы на риск и занялись тем же...

В глаза бросается выделенное жирным: **«Николай МОРОЗОВ, член союза российских писателей, почетный житель города Арсеньева, автор 25 книг стихов и прозы»**. Он любит эту подпись, она повторяется везде, где можно, как фирменный знак и знак качества. И сразу понятно – такой слабых стихов не напишет. Такой человек, вообще, – образец во всех делах. В который уж раз наши общие с Николаем Николаевичем друзья (есть, есть такие), приезжая во Владивосток, рассказывают о давней и по сей день чуть ли не главной заботе арсеньевского мэтра. Люди добрые замечают непреходящую скорбь Николая Николаевича по поводу кончины любимого им народного издания. Оно называлось «Лукоморье», – скажем мы для тех, кто не был с ним знаком. Бесплотный, подобно миражу в пустыне, образ «Лукоморья» тешит воображение своего хозяина, что естественно. Но что не очень естественно: не прекращаются разговоры о подлых врагах, которые хитростью вырвали издание из рук заслуженного, единственного, лучшего, самого-самого, но чуть-чуть наивного и немножко беспомощного отца-основателя. И уж абсолютно неестественно сравнение *живого и здравствующего* «Литературного меридиана» с *несуществующим* «Лукоморьем». Что сравнивать – есть. А с чем сравнивать – нету! Но, может, это и вдохновляет. Говори, что хочешь. Например, что в «Лукоморье» печатались гении, ну, как минимум, сплошные таланты, даже, конкретно говоря, был свой доподлинный Есенин. Как проверишь? И всё: можно рассказывать любую сказку.

Жена Клара временами демонстрирует отвагу, которой мог бы позавидовать сам Николай Николаевич. Об издателях негодного «Литературного меридиана» она сообщает белу свету: «...они попытались извратить работу над газетой, напечатав в «Литературном меридиане» фальшивые, извращенные, непроверенные факты работы Николая Морозова с «Лукоморьем». Опять же – оставим за кадром подробности давнего

спора. Попробуем представить: что такое «извратить работу»? Кто-нибудь представил? Мне это не удаётся. Так же, как не удаётся постигнуть, что значит «фальшивый, извращённый факт». Что такое факт? Если коротко, то: 1. Истинное событие, происшествие, явление. 2. Реальность, действительность. Странно, что наши друзья, как они сами похвастались когда-то, прочитавшие по три раза все толковые словари, обвиняют своих оппонентов в фальши и извращениях, одновременно признавая, что речь идёт о приведённых оппонентами ФАКТАХ.

Может быть, ларчик открывается просто? Морозов много лет выпускал газету «Лукоморье» и сборник «Живое облако». Никто не мешает ему и сегодня издавать замечательное, неповторимое, лучшее в мире «Лукоморье». Но это хлопотно и неодоходно. Поэтому несколько лет назад Николай Николаевич избавился от своего детища. Сделал он это публично, многие люди знают все мотивы и детали происшедшего, так что врать на сей предмет смысла никакого. Но, по всему видно, теперь уже и «ЖО» не приносит желанных плодов. По сравнению с первыми выпусками тираж уменьшился в десять раз, а количество авторов в нём сократилось более чем вдвое. Так что «Живое облако» стало как бы полуживым и вполне может улетучиться.

Трудно сказать, связаны ли с грустными делами «ЖО» до неприличия нескромное бахвальство, устно и печатно повторяемые нервические заклинания Морозова и его соратницы, что Николая Николаевича все «любят, ценят, уважают». Почти маниакальные эти заклинания уже заставляют тревожиться о душевном здоровье наших коллег. Не исключено, что это попытка преодолеть сомнение, одолевающее творцов, когда у них возникают проблемы с творчеством.

На занятиях литературной студии «Паруса» в последнюю субботу каждого месяца в Русском географическом обществе во Владивостоке мы рекомендуем своим молодым друзьям, подступающим к поэзии, две начальных позиции для анализа произведений. Первое – проверить написанное на соответствие законам русского языка. Второе – попытаться представить реальную картину, которую рисует стихотворение, увидеть зримый образ, встающий за каждой строкой. Эти элементарные, самые первичные требования представляются обязательными для всех, не исключая членов и почётных граждан.

С прискорбием думаю: от прочитанной подборки арсеньевского классика, «второго Есенина», как он себя позиционирует, самый скромный новичок студии «Паруса», потрудившийся, не пожалев времени и не побоявшись испортить свой вкус, её посмотреть и оценить, не оставил бы камня на камне.

Я знал Николая Морозова, автора «Паромщика» и «Баньки», других ладных стихотворений и песен. Его словно подменили. Былого Николая Морозова нет.

Таких людей хорошо понимает Юрий Николаевич Кабанков. Мысль его постоянно подтверждается жизнью: Бог даёт человеку талант. Если человек им распоряжается неправильно, Бог его отнимает. В назидание другим.

СЕМИЦВЕТИКИ ICQ

Мариана СМЕРНОВА
г. Владивосток

СЕТЕВОЕ

1.
А когда (чи-то файлы,
наверно, уже в пути?)
На рабочем... лугу собирается
прорасти
Семицветик зеленый
с аленьким лепестком,
Повторяешь бездумно и нежно:
лети-лети,
Лепесток, через запад...
Все просто как .com –
Пусть он будет в сети,
пусть сейчас он будет в сети.

2.
А меня дух онлайн выкинул
в безвоздушное из Сети:
Человечки гаснут зеленые,
семицветики ICQ.
Ну и пусть – беседа престранная,
а самой никак не уйти,
Лучше завтра под кат провалимся
как в осеннюю полынью.
У окна застываю, в спину мне
дышит комнатный кавардак –
Дышит, самоорганизуется...
А в окне моем красота.
По дороге бежит компания
одичавших слегка собак:
Шкуры точно песок под инеем,
устремленности – до черта.
Силуэт каждый псины высветлен:
трасса мокрая дочерна.
Сумрак ливневый, мягкий,
облачный. Теплый свет.
Городская гарь.
Цветовая соната старого –
где же видела? – полотно:
Млечны легкий олень и гончие,
черный лес на просвет – янтарь.
...Скоро тыква на подоконнике
улыбнется мне краем рта,
И дохнет огоньком
из пристальных, треугольных
ее глазниц,
И почую, как ясной полночью
ветром наполнится высота,
И увижу во сне обидчивых
лисенят... кто сказал – лисиц?

Будет холод, кострища свежего
странно правильное кольцо.
Будет грустный Самайн. И скажут
мне Осень, черная Ночь и Сеть:
Паутинку задеть легонечко,
запрокидывая лицо –
Точно в проволоку колючую вдруг
на полном бегу влететь.

3.
Стану когда счастливой –
брошу писать в ЖЖ,
Слушать, молчать, беседовать,
между клинков кружа
Где-то на промежуточном
чьем-нибудь этаже,
Яблочный сок сцеловывать
прямо вот так, с ножа,
Видеть, как солнце пляшет,
в лезвии отразься.
Пляшет весна – запнется ведь там,
где сейчас стою.
Но серебром пылает
вдоль магистрали грязь,
Дома цветет ромашка – вечная ICQ.
Можно взмывать и гаснуть,
можно гореть легко:
Так, чтоб чужие губы горечью
не обжечь.
Чтобы прикосновение –
теплое молоко,
Голос – в молчанья ножнах
черный прохладный меч.
Можно порхать по клавишам,
радостно, на свету,
В белом дневном безмолвии
тех Интернет-сонат,
Что сочиняют изредка,
падая в высоту.
Горечь – уже не яблока...
кровь, апельсин, гранат?
Можно, все можно, можно все...
Если опять ожгло –
Встать, закружась по комнате –
в танце, в тоске, Бог весть.
В нижнем углу экрана бабочкой
о стекло
Бьется короткая фраза,
просит ее прочесть.

(ПОД)НЕБЕСНЫЕ СТИХИ

Мы над планетой весенней
домой летим.
Каждый из нас, точно детство,
невозвратим,
Это воистину путь
в десять тысяч ли.
Мы созвонимся,
едва коснувшись земли.
Дал ты мне имя –
хранить, повторять в пути,
В небе, в полете.
Ты тоже летишь, летишь,
И над страной твоей –
млечная синева.
Да, забывать – но легко,
как растет трава.
А небоскребочки, верно,
вразброс растут,
Как одуванчики...
Так безмятежно тут –
Это потеря масштабов и нежность,
смесь
Непостижимая; знаешь,
когда ты весь –
Легкий, легко и небесному
кораблю.
Руки закинув за голову, я дремлю,
Над облаками взлещивают
светло
Боинги наши, встающие на крыло.

* * *

Это ближе собственной кожи.
Это бой с собственной тенью.
Так сказал ирландец из мифа.
Я не помню точно, какого.
Своевременно и банально.
Современно и подростково.
Я умею сбрасывать шкуру –
или стряхивать оперенье,
Я мудра, как змея на камне,
как столетняя черепаха,
Но во мне тасуются правды...
Каждый миг выпадает карта.
Ежечасно, ежесекундно.
Тень мой, в трезвом бреде азарта
Я не помню себя, и в дебрях
сонной яви не знаю страха.

КАК ПУСТО В НЕБЕ...

Иван ШЕПЕТА,
г. Владивосток

ТРУБА

Бахыту Кенжееву

А над Родиной – дым
заводов и ТЭЦ,
и вся разумная жизнь –
у трубы,
где согревается
гражданских свобод борец,
наслаждаясь процессом
самой борьбы!

Наши уши не выросли выше лба,
но и мы расслышали некий глас,
что, мол, дело наше –
совсем труба,
что под трубный плач
похоронят нас!

Все, кто смог, зареклись
от тюрьмы-сумы.
Даже птицы наши
под Южный Крест
улетели с плачем... остались мы –
крепостные сплошь
остывающих мест*.

И лишь я, как некий
горнист-трубач,
как верблюд горбатый,
готов к борьбе –
всё пытаюсь сыграть
под всеобщий плач
старый гимн на своей
заводской трубе.

* «Крепостной остывающих мест» – книга
Б. Кенжеева

РАБОЧИЙ КЛАСС

Был неуклюж и вечно ржав
металл
советских фраз,
но от одной – я с детства
трепетал:
«рабочий класс!»

Конечно, льстил и лгал
политпросвет,
но – пиетет!

А кто теперь рабочий?
Лузер, лох –
да чтоб ты сдох!

Наскрёб на пиво,
к телеку прильнул –
и пей Red bull.
Смотри и смейся, неимущий раб,
Comedy club.

* * *

Отсутствие выбора
входит в привычку,
и выбор становится – дрын,
коль, чиркнув, ломает
последнюю спичку
последний поэт-гражданин.

* * *

По миру бродят наших –
миллионы,
советских бывших.
Как им там теперь? –
Я в мыслях шлю приветы
и поклоны,
я стал мудрее от таких потерь.

Как пусто в небе,
проводившем стаю;
какой простор
возвышенным словам!
Вас, улетевших, я не осуждаю,
я лишь тоскую горестно по вам.

* * *

Уснул
и ощущал во сне,
калачиком свернувшись,
вроде кошки,
твои прикосновения к спине,
тепло
твоей
ласкающей ладошки.

Как хорошо, что я могу уснуть,
сомненьями в себе
себя изранив,
забыть про всё,

пока осядет муть
навязанных,
несобственных желаний.

Как хорошо, что ты не обожжёшь
холодным светом
отражённым,
лунным,
пока во мне перегорает ложь,
и я не стал
улыбчивыми и юным.

Как хорошо,
что мы с тобой дружны,
что ощущенья
достоверней слова,
что друг для друга
всё ещё
нужны,
и что слабей,
отдельный,
без другого.

НА СТАНЦИИ «ВЕСЕННЯЯ»

Из электрички вышел
и стою,
забыв зачем
на станции «Весенней», –
так, будто мысль
я выронил свою...

Декабрь месяц.
Утро.
Воскресенье.

Похоже, не весна. Она – не здесь.
Взлетают чайки из-под ног
с тоскою.
И чуть колышет ледяную взвесь
волной морскою.

Похмельные
у моря мужики
бесстыдно клянчат у меня
на пиво,

и влажно
оттепель
касается щеки,
по-девичьи –
стыдливо.

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

Наталья БЕДНАЯ,
г. Краснодар

Наталья Владимировна – член литературного объединения при Краснодарском региональном отделении Союза писателей России; ее произведения печатались в литературных журналах «Невский альманах», «Литературная учёба», «Бег», «Союз писателей», «Дон», «ЛитОгранка», «Страна Озарение», «Русский писатель» и в других периодических изданиях. Автор книг «Сирень в снегу» (стихи, сказки, статьи), «Советская Кубань», 2010; «Шелест листвы» (статьи, стихи), «Советская Кубань», 2011.

ШЕСТОГО ИЮНЯ

Стол застелю накрахмаленной
скатертью белой,
Вазу поставлю с клубникой
душистою, спелой.
Утром гостиная
залита солнцем июньским.
Пушкинский день.
И мне помнится давняя юность:
Первое чувство любви
в моём сердце возникло...
Годы минули, а строчки
всё пахнут клубникой.

* * *

Барахтаются воробьи в пыли –
К дождю. И я, боюсь, промокну.
Раскаты грома дразнятся вдали.
Внезапно потемнеет. Вздоргну.
Грозу переживу в который раз,
Домой вернусь я
в мокром платье.
Порою жизнь испытывает нас,
А мы спешим в её объятья.

ЮЖНАЯ ОСЕНЬ

В белое облако кутая плечи,
Осень картины сменять
не спешит.
Словно прощаясь,
стрекочет кузнечик.
Весь паутиной окутан самшит.
Сонно по камню ползут
две улитки.
Астрами брошен платок голубой.
Ветром внезапно открыло
калитку...
Не надыхаться мне, осень,
тобой!

* * *

Весь столик завален
цветной мишурой,
Дождём ниспадает фольга.
Для ёлки пушистой
я двери открою.
Я в маске. Я – Баба Яга!

Когда ещё в сказку
возможно вернуться?
Зимой, в новогоднюю ночь!
Зайчата из ваты
на ёлке проснутся,
Но выросли сын мой и дочь...

* * *

Первый дерзкий снег
свершил уже набег,
Холод пробежал по мне
украдкой.
Но любовь моя –
и есть мой оберег.

Для тебя всё остаюсь загадкой.
Колкий снег в лицо.
А в сердце теплота.
Я спешу согреть твои ладони.
И не надо слов. Излишня суета.
Небо для меня –
твой взгляд бездонный.

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

По мелководью тихой речки –
С тобой под солнцем и дождём.
Намокли волосы и плечи,
Мы свежесть дня глотками пьём.
И в плеске дня –
вокруг молчанье,
Его спугнуть ты не спеши,
Как запоздало покаянье,
Что рвётся из твоей души!..

ДЕРЕВЕНСКОЕ ДЕТСТВО

Кубарем с пригорка –
и в кувшинки,
В озеро мы падали гурьбой.
Рвали одуванчиков пушинки,
Говорили мы наперебой.
К спелой необорванной
черешне
Трепетная тянется рука...
Как расслышать
в круговерти вешней
Звук полёта майского жука?..

* * *

Ночной фиалки одурманил запах,
И лунный свет –
бессовестно в окно.
Я жду тебя
при всех зажжённых лампах.
Пусть до утра.
Дождусь я всё равно.
Наивна? Ну и что.
Не быть другою.
И пряча боль, себя я обману.
А жизнь непредсказуема
порою...
Я жду.
...Не оставляй меня одну.

* * *

Измену предательством
ты не считаешь.
Не стану раскаянья ждать,
всё кляня.
Но сердится осень, листву рвёт...
А знаешь,
У нашей берёзы
не встретишь меня.

* * *

Подталкивает ветер в спину.
Мир от обиды не покину!
Домой!
Укрывшись на диване,
Не думать о твоём обмане...
Судьба, как ягода кислица,
Стихи слагаются,
Не спится.
В моём окне темным-темно.
Тебя забыть пытаюсь, но...

В СТАРОМ ПАРКЕ

Краскам детства завещано таять,
Только сердце всё помнит полёт.
Зацепилась за веточку память,
И тропинка меня узнаёт.
Вслед глядят карусели и арка,
Облетает акации цвет...
Днём весенним
вдруг стало мне жарко!
И... забыт на скамейке жакет.

Я ТЕБЕ НЕ РАССКАЗАЛА...

Елена РОДЧЕНКОВА,
г. Санкт-Петербург

ВОЛОСОК

Я тебе не все сказала,
Но ведь и не солгала.
Свитерок тебе вязала,
Волосок туда вплела.
Волос из моей косы
В свитере не для красы:

Волос тонкий, волос долгий,
Чтобы ты был самый добрый,
Волос долгий, волос длинный,
Чтобы ты был самый сильный,
Волос длинный, шелковистый,
Чтобы ты был самый быстрый,
Шелковистый волос белый,
Чтобы ты был самый смелый.

Расставаясь на вокзале
Свой подарок отдала,
А про то, что нас связала,
Я тебе не рассказала,
Но ведь и не солгала.

* * *

Теперь я сторонюсь
случайных встреч
И тайно избегаю неслучайных
Что свыше послано,
то надобно беречь,
Дар речи поменяв на дар
молчания.

Заточит звездный луч
карандаши,
Мелькнет перо над ворохом
бумаги,
И улыбнется
мой хранитель-ангел,
Вздохнет легко,
сдувая лень с души.

Уж сколько звезд сквозь небо
просочилось!
Их лучики дрожат в моих руках.
Все, что случилось,
пропадет в веках.
Оставь мне, Вечность,
то, что не случилось.

* * *

Беда ли, мой милый, беда ли,
Что мы с тобой звезд не видали,
Что пряталось небо во мгле,
Что тучи от нас закрывали
Далекие дали и звали
Лететь, позабыв о земле...
Едва ли, мой милый, едва ли
Утешат покорные дали
Вдвоем так опасно летать.
А те, что до нас пролетали
И звезд письма прочитали,
Едва ли, мой милый, едва ли
Вернутся на землю опять.

* * *

Предчувствие любви
сильней любви,
Предчувствие грозы
страшнее молний.
И взгляды молчаливые твои
Значительнее речи
многословной.

Как лепесток летящий и скала,
Как облако и грозовая туча
Я в каждом миге разная была,
И даже ты не разобрал:
что лучше.

Но знаю, знаю: я тебе нужна,
Как зной палящий
в ледяную стужу,
Как дым – огню,
как буре – тишина.
Но кто я без тебя?
Жена без мужа.

* * *

Миновало лето жаркое,
Миновало и не жалко мне.
Стало хмуρο и прохладно.
Вот и осень. Вот и ладно.

Ты принес корзинку с клюквою
Круглой-круглой,
крупной-крупною
Я-то думала, что с вишней,
Зря тебе навстречу вышла.

Ты попробуй-ка, капризная!
Не хочу я, клюква кислая...
От тебя беру украдкой
Из корзины каплю гладкую.
Спелой, алою, холодной
Угощу зиму голодную.
Ей бы – вишен...
Мне бы – ласки...
Жили были, стали сказки.

* * *

От добра искать добра –
Где найдешь?
От тепла искать тепла –
Пропадешь.
От вина искать веселья –
Горьким не было б похмелье.
Что отыщешь?
В сердце – ложь,
В душу – дрожь.

За добро дари добра
щедру пясть.
За тепло отдай тепла, не скупясь.
Тоненька, но горяча
Мучит мрак, горит свеча,
Чтобы свету и теплу не пропасть.

* * *

По всей Руси, хранимые веками,
Стоят Александрийские столпы.
Мгновение – и ангелов персты
Сожмутся с нерушимой
силой камня.
И, крестное знамение творя,
Небесные войска готова к бою,
Они, столпы покинув, воспарят
И закружатся в небе над Невою.
Несокрушимо крылья зашуршат
У мраморных и каменных
посланцев,
Чтоб пламенная русская душа
Объединила время
и пространство.
Сияя в очистительном огне,
Спасешься неминуемой
стихией...
Уже все ангелы твои, Россия,
Сжимают с хрустом пальцы
в вышине.

ВОЗЬМИ СВОЙ ПОСОХ И ИДИ

Максим ЗАРЕЗИН,
г. Москва

*Драматическая фантазия в 4-х действиях.
/Окончание. Начало в № 7 (45), 9 (47), 11(49) 2011 г./ Действие четвертое
(действие происходит в Подмосковье, в Болшево, 8 октября 1939 года)*

Действующие лица:

Максимилиан Волошин – 36 лет (в 1913 г.)

Марина Цветаева – 21 год (46 лет в 1939-м)

Анастасия Цветаева, сестра Марины – 19 лет (в 1913 г.)

Сергей Эфрон, муж Марины – 20 лет (45 лет в 1939-м)

(Поляна рядом с дачей. Позади покрытые осенней желтизной деревья. Сцена освещена предзакатным солнцем. Слева крыльцо. Прямо по центру ближе к сцене скамья. С краю качели, физкультурные кольца. Веревка, к которой крепится одно из колец, закручена на перекладине, оставшееся свисающее кольцо напоминает виселицу. Волошин появляется из глубины сцены, в одной руке посох, в другой зажаты три кленовых листа. Качая головой, он смотрит на «виселицу», подходит к скамье, представляет посох к спинке, садится на край)

В. (задумчиво смотрит на листья, читает стихи)

Нет у меня ничего,

Кроме трех золотых листьев и посоха

Из ясеня,

Да немного земли на подошвах ног,

Да немного вечера в моих волосах,

Да бликов моря в зрачках...

Потому что я долго шел по дорогам

Лесным и прибрежным,

И срезал ветвь ясеня,

И у спящей осени взял мимоходом

Три золотых листа...

Прими их. Они желты и нежны

И пронизаны

Алыми жилками.

В них запах славы и смерти.

Они трепетали под темным ветром судьбы.

Подержи их немного в своих нежных руках:

Они так легки, и помяни

Того, кто постучался в твою дверь вечером,

Того, кто сидел молча,

Того, кто, уходя, унес

Свой черный посох

И оставил тебе эти золотые листья

Цвета смерти и солнца...

Когда в молодости я переводил Ренье, мог ли

представить себе, что когда-то стану бесплотным духом странствовать по земле и вне земли, нести свой посох и только эти золотые листья в подарок. (кладет листья на скамью, обращает внимание на лежащую книгу) «Эгмонт». Любимый Мариной Гете. Благородный свободолюбивый герой становится жертвой своей слабости и сомнений и погибает, попав в руки жестокого герцога Альбы. Почему он выбрал «Эгмонта»? Размышлял о своей судьбе? Из подспудного желания оправдаться перед собой, Мариной? Пожалуй. Зря только они себя мучают, когда им так немного осталось быть вместе. (не оглядываясь) Ну, вот и Асенька. (позади в луче света появляется Ася Цветаева. Она не видит и не слышит Волошина)

А. Когда мы все вместе справляли Маринин день рождения? В 16-м? Не могу вспомнить. Неужели так давно? Елизавета Эфрон писала, что Сергей и Ариадна теперь живут под Москвой где-то не так далеко от Александрова – в Болшево. По намекам следует, что туда же приедет из Франции Марина. Как хочется, чтобы ей там было хорошо. Почему бы нет! Она вечно страдала от городского шума. Боялась высоты, многоэтажности, толпы, автомобилей, лифтов. Говорила, что ей следовало бы родиться на сто лет раньше, и тогда бы она была счастлива.

В. (качает головой) Ася не знает, что Ариадна в тюрьме. Сергея арестуют послезавтра, но и об этом она узнает не скоро. О смерти Марины – только спустя два года. Но лучше отсроченная боль, чем горькое бессмысленное всеведение...

А. Быть может Марина уже приехала, но когда-то дойдет письмо – почта на Дальний Восток идет так долго. Недавно попался на глаза номер «Известий» за август. На первой странице «красный граф» Толстой славит Сталина и новый счастливый, изобильный мир. Вот бы Максус показать...

В. (пожимает плечами) Алехан всегда был циником. И к его чести, этого не скрывал. И никогда не грезил о новом счастливом мире и не приближал его явление. Алехан – не трагедия, мелодрама. Сергей – трагедия. Эгмонт.

А. Как замечательно, если они вместе соберутся за веселым дружеским столом. Верно вспомнят Коктебель, Макса, да и обо мне, наверное, не забудут. Как хочется поговорить с Мариной, с Максом. Какие глупости я говорила ему самонадеянной девчонкой, как заносчиво спорила о том, что нет Бога и есть смерть. Голову переполняли скороспелые мысли, которыми можно было делиться с мудрейшим Максом дни и ночи напролет. Теперь, когда столько пережито, передумано, пересмотрено, приходится держать это в себе. Даже писать приходится украдкой на обрывках газет и папирсной бумаги. Да и о чем писать – о ежедневной схватке с нечеловеческим бытом, стирке тифозного лагерного белья, голоде, болезнях? Или жаловаться на непонимание и одиночество среди уголовников и солдафонов? Но мне не на что роптать, я сама заслужила тернистый путь. К каждому человеку с момента рождения пристраивается бес, персональный Мефистофель. Он постоянно, ежеминутно возле своей жертвы, неустанно внушает ей темные противобожеские мысли. Я так долго поддавалась этому наваждению – надо расплачиваться.

В. Да, Асенька, смерти действительно нет, однако надо спешить действовать на земле. Что от того, что я невидим и неслышим брожу меж живущими. Бесплезное чудо. Я просто свидетель – безмолвный, бесплезный свидетель.

А. Последний раз мы виделись в 27-м. Сентябрь, самое начало. Я приехала к ним в Париж. И надо же – сначала заболели скарлатиной дети, потом слегла и Марина. Сергей еще говорил, что я будто нарочно оказалась в трудные дни рядом. Когда уезжала, Марина была еще слаба и не пошла провожать на вокзал. Прощались на пороге квартиры. Помню, как я подхожу к Марине. Улыбка; чинный, бережный поцелуй. И вот я уже переступаю порог. На вокзале я крикнула Сергею: – Приезжайте в Россию! И вот они в России, а расстояние между нами только увеличилось. Вся страна распахнулась между нами как черная пропасть. Господи, опять меня зовут, что еще им надо... (свет гаснет, А.исчезает).

В. ...Ну, вот и мне пора – они сейчас появятся. (не спешно уходит в глубину сцены)

М. (выходя из дома вместе с Сергеем) Когда вы с Асей ушли на вокзал, я долго стояла у окна. Все ждала, что увижу ее на повороте – вы должны были там мелькнуть. Но вы пошли другой дорогой!... Я бродила по нашей квартирке, проливая скудные слезы... Где они были при прощании – ох, уж эта наша цветаевская сдержанность. Когда остальные плачут – стоим как каменные, по каким-то пуста-

кам – взрыв страстей. А ведь теперь, наверное, и не увидимся.

С. Все возможно, все возможно...

М. Потом, когда уезжала в Россию, я оказалась на том самом вокзале. Мне стало жутко. Громадное неуклюжее здание, с зелеными стеклами, страшный зеленый сад, где ничего не растет «Пошли мне сад На старость лет...». Не слышат на небесах мое прошение. Вместо сада – этот клочок земли на улице Новый Быт. Новый Быт! Уму непостижимо! Ты же знаешь, как я ненавижу быт, ненавижу эту бесполезную повторяемость ежедневных забот, которые пожирают время, необходимое для основного. Всю жизнь преодолеваю его иго, а тут еще и новый быт. Почти Новое Бытие, Новый Свет. Как если бы Колумб нашел в неведомой земле вместо райских кущей то, от чего уплыл – грязный и тесный средневековый город и его обозленных, забитых нуждой и страхом обитателей...

(ее взгляд падает на турник с кольцами, испуганно)

М. Что это?

С. Я замотал одно кольцо, чтобы не лязгало при ветре.

М. Господи, как я боюсь этого!

С. Чего этого?

М. Пустое. А может и не пустое... Я наверняка тебе рассказывала. Как-то после революции в Новый Год собралась компания, взялись гадать по Лермонтову. И, знаешь, какую я себе нагадала строчку? «А мне два столба с перекладиной...». Вот теперь и прикидывай – то ли эти два столба, то ли другие.

С. Не помню. (спеша переменить тему) А как мы гадали на Новый Год в Коктебеле!

М. Да, да, ...красный дракон. Все сбылось... (подходит к скамье, берет в руки листья)

С. Да, ничего не сбылось. Макс уже все знал наперед, но стеснялся предстать перед нами пророком и потому цитировал то Библию, то Блока. Ты же сама тогда об этом говорила.

М. (прижимая листья к лицу) Когда я узнала, что Макс умер в полдень, даже почувствовала удовлетворенность – он ушел в свой час, когда солнце в самом зените. Макс и в смерти остался хозяином судьбы, творцом. Какие мы все-таки разные: я дух тьмы и воздуха, он дух света и земли. Хотя в чем-то схожи – угадываем судьбу. Когда мы с тобой встретились в Коктебеле на берегу, я же верно загадала: если он найдет и подарит мне сердолик, я выйду за него замуж!

С. Я нашел его тотчас же, на ощупь, не отрывая от тебя глаз ...

М. (меняясь в лице) Значит и насчет столбов с перекладиной сбудется.

С. Марина, это нелепость! Мы все подавлены нашими бедами; неудивительно, что в голову лезут

мрачные мысли. (поспешно идет и разматывает веревку с кольцом) Ты привезла тот сердолик?

М. Разумеется, только он в багаже – я же не полагала, что багаж так надолго застрянет. А теперь корю, что не забрала с собой. (снова прижимает к щеке листья) Так хочется его прижать к щеке и почувствовать тепло. Вокруг столько холода. Его тепло разогнало бы холод по углам. Только он далеко. Время разбрасывать камни прошло, а как настало время собирать – сыскать невозможно. Всех пораскидало, все поразметало, а после засосало в бездонную воронку. И уже не люди – целые страны срываются в пропасть. Вот и Польши не стало. И Чехии. И Францию мы потеряли навсегда. И Германию, ту Германию, которую знала с детства – ее тоже больше не существует. И Россия для нас пропала. Жили в эмиграции и думали, что есть Родина. Страшная, желанная, непонятная, ясная – разная, но была! Оказалось, что теперь ее нет. Вернее, ужалась до этой омерзительной дачи и клочка земли вокруг нее. Вот и все. Совсем недавно казалось под ногами целый земной шар, но ныне он рассыпался и остался лишь крохотный осколок. И тот торчит в сердце зазубриной. Эх, очутиться бы сейчас в Коктебеле, лежать на гальке, слушать прибой и бездумно собирать цветные камушки.

В. Я все больше напоминаю монумент самому себе – Макс всевидящий, Макс всезнающий, Макс многомудрый. Хотя как может быть похож на монумент бесплотный дух, витающий в пространстве. (горькая усмешка) Многомудрие и всезнание дух господина Волошин с удовольствием променял бы на возможность помочь хоть малым. Вот если бы знать, дожить бы, дотянуть до этой бедовой осени, сохранить Коктебель – угол, где можно спрятаться, согреться. (с отчаяньем) Некудышный пророк Волошин, фальшивый чудотворец.

С. Считается, что сердолик – сохраняет от ссор и споров. Похоже, что так. Сколько бы мы ни ссорились, никогда не рассоримся.

М. Сердолик – это когда сердце ликует. Макс говорил: «Главное наше творение – мы сами». Но чтобы творить себя, надо обладать величайшим терпением жить, этого терпения у меня не было ни на йоту. Жить я никогда не умела и не хотела, я терялась в жизни, она не устраивала меня даже смолodu.

С. Но ты гений. И твои стихи – твой мир, своя жизнь. Так всегда было.

М. Стихов больше не будет. И, пожалуйста, не убеждай меня. Этот мир раздавил мой мир. Он в конце концов отомстил мне за то, что я его так презирала и чуждалась. Ничего больше не будет. (подходит к скамье и кладет листья на книгу)

С. Но твои стихи читают и будут читать. Значит, твоя поэзия вечно жива и твой мир тоже.

М. (пытается раскататься на физкультурных коль-

цах) Что мне с того? Пусть я не лишена тщеславия, но создавала свой мир только для себя, и он существовал, пока я сохраняла способность творить. (спрыгивает на землю) Не утешай меня, Сереженька. Поэт умер, и мир рассыпался, не склеишь. Что осталось? Мать, любовница. Я незадачливая мать. Любовница... Были вспышки, но не было огня. Я обжигала и обжигалась сама, но не согревала. Что еще? Жена и домохозяйка? Пожалуй. Если ты уйдешь, умрет и жена, и останется только домохозяйка, но этого для меня слишком мало, а значит, если ты исчезнешь, исчезну и я.

С. У нас сын и дочь. Наверное, мы не самые образцовые родители, но разве мы не любим своих детей и не желаем им счастья. Мы должны жить хотя бы ради них.

М. Нет, нет... Надо быть честными. Мы всегда жили ради друг друга. Но разве это наша вина? Нет, не вина и не беда – наше счастье. Наша любовь, Сереженька, вот счастье, которое превыше детей, превыше стихов, превыше Родины, превыше всего.

С. Да, это дар, дарение... Ты права. Жаль, мы не ценили этот дар, как следует. А как следует? Нельзя же повесить в комнате шедевр Леонардо и ежеминутно им любоваться. Но мы же вместе. Марина, мы все-таки вместе. Двадцать восемь лет вместе, с того дня, как я подарил тебе сердолик на коктейльном берегу. И это поистине самое великое в нашей жизни мы сотворили сами. Значит, мы не самые нелепые и бедовые люди на этой земле.

М. (как бы продолжая свой внутренний монолог) Не об этом сейчас, сейчас – о самом нужном... Ты хотел прощения – я прощаю тебя, Сереженька. И ты прости меня. Любовь не бывает без прощения, ведь это так, Сереженька? Это так! И поэтому мы сейчас простим друг друга. И будем жить дальше. Пока есть силы, будем жить.

(берет книги и листья, М. и С. медленно возвращаются в дом, звучит музыка и голоса действующих лиц – запись фрагмента из I действия)

М. За жертв и палачей!

С. За их вечный союз!

В. За вечное искусство!

А. За жизнь. Детей, близких, друзей.

М. За любимых.

С. За любящих.

В. За искупление старых грехов и новые искушения.

М. За мимолетное и неуловимое.

С. За неизбежное и немолимое.

А. За разум!

В. За безумие и безумцев.

М. За тринадцатый год.

С. За четырнадцатый.

В. За все последующие года!

Занавес.

СНЫ

Евгений ВЕСНИК

СОН ПЕРВЫЙ

... Идет заседание. Какое? Кто заседает, где, что говорят – ничего не ясно! Происходит оно на сцене какого-то театра.

Во время выступления ораторов на трибуне медленно движется круг сцены, поэтому выступающий то скрывается от взоров сидящих в зрительном зале, то вновь появляется. Вот он выезжает... Жестами просит кого-то выйти на сцену... На потолке засветилось огромное табло, точь-в-точь такое же, как на стадионе, и я прочел: «Господ Николая Бердяева из прошлого, а из настоящего Евгения Весника просим на сцену!»

Не могу проснуться, ну никак не могу, поэтому иду. Рядом со мной крутолобый, с бородкой и с усами гениальный профессор. Он легко поднимается на подмостки, оратор уступает ему свое место.

– Господа! – громко звучит голос Бердяева. – Ожидание чуда – одна из слабостей русского народа, один из самых больших его соблазнов...

Я тоже робко поднимаюсь на сцену, но круг увозит всех нас долой с глаз людских.

– Позвольте добавить кое-что к вашему коротенькому выступлению? – спрашиваю я у гения.

– Валяйте, – разрешает он.

Круг вывозит нас на люди.

– Ожидание чуда есть чудо русского народа! Это правильно. А чуда как такового нет и нет. Время идет и идет – бдительность притупляется, разваливаются экология, душа и без того слабые народная самоорганизованность и национальная гордость. И что самое плохое – слабеет вера в способность самостоятельно править самим собой!

– Правильно, правильно, – выкрикнул кто-то из зала.

Мы все ахнули: у третьего микрофона в глубине зала стоял... Александр Герцен.

– Правильно, правильно, хотя бы потому, что я вижу слишком много освободителей и не вижу свободных людей!

Из всех щелей зрительного зала появились вооруженные спецназовцы, омоновцы и государственные сыщики, прокуроры и следователи. Их появилось больше, чем зрителей! Кто они, эти зрители, – непонятно, да и поведения странного. Вот чертов сон!

Один из них бегал по залу как на стометровке, четыре раза туда-сюда по 25 метров. Бабуля во втором ряду торговала белыми семечками и французской туалетной водой «Ваня». Человек с виноватой улыбкой поочередно кричал то «да», то «нет», то снимал с сидений пустых кресел какие-то листочки бумаги-брошюры, то ими прикрывал другие – и всё бегом, весь, бедный, в мыле, явно за большие барыши. Какие-то уважаемые не очень русские люди меняли литровые бутылки с этикетками

«Виски Жириноводские» на две поллитровые «Мадера Рубинштейна» и коньяк «Атаман Дзендzipер» у людей курносых, русых и не очень трезвых...

Трибуна на круге медленно уплывала в темноту, на сцене появились две группы коротко стриженных и в длинных пальто женщин... В середине каждой группы в наручниках и с висящими на шее вместо галстуков утюгами сидели и мило улыбались два старика: очевидно, ветераны Отечественной войны, потому как были совершенно одинаково одеты и по-стариковски молодожаво выглядели из-за того, что явно были больше чем «чуть-чуть навеселе»...

Милые женщины нараспев хором произнесли следующее:

– Левый заложник – двести тысяч монгольских тугриков, правый – один миллион старыми банкнотами СССР!

Кто-то истерично выкрикнул «караул!» и «обдираловка». И никто не купил заложников. Круг увез всех в темноту закулисной организованной деятельности... На появившейся трибуне стоял «исполняющий обязанности» в форме. На сцену бесшумно выполз огромный танк. Пушка его медленно поворачивалась, прицеливаясь к «форме».

– Возбужденно осужденных сто двадцать плюс три тысячи один, – начал доклад «форма», – но все амнистированы!

Пушка наехала на «форму» и прикоснулась к его голове, которая смотрелась теперь как застывшее в стволе ядро. На сцену вдруг выбежали два мальчика шести и девяти лет и мгновенно сожгли огромный танк посредством миниатюрных, но очень коварных дамских зажигалочек, произведенных в явно значительно удаленных на юго-север от 181-й средней школы имени «Кавказской пленницы» шахтах по добыче какого-то засекреченного фиолетового «берберилия-927/4 плюс твердый знак минус А», в чем мужественно признался младший малец.

Голова оратора оказалась огнеупорной – с танком не сгорела, а напротив, ожила, осмелела и громко закончила речь: «Ха-ха-ха! Амнистия еще не значит амнистия! А вот принципиальность и законность, я вам доложу со всей ответственностью...» Голове не дали договорить, так как вместе с мыслями и «со всей ответственностью» она была увезена в сумерки закулисного «светлого будущего»!

...Финал был великолепен! Состоялась презентация всем известного, очень высокоподнятого чиновника, но не живого, а куклы – его бесподобной копии! Жена при кукле была натуральная. Столы ломились от лангустов и живых пчел. Подъехало еще несколько кукол с семьями. Тосты, крики «ура», звон бокалов звучали непрерывно. Речи кукол были как никогда искренними и смелыми: обещали, что на 2 процента будет! Будет, обязательно будет! И на 1,3 процента обязательно сделать намного лучше. Во всяком случае – не хуже. Слегка опьяневший гражданин в модных очках то снимал, то надевал бород-

ку, крича в 4-й микрофон: «Нельзя так, нельзя, так нельзя, братцы! Этак мы... Черт-те что наделаем с народом... Это что же такое дееется – я видел, как образованный, красивый молодой человек пускал в нос своей собаке дым, пускал, пускал, все говорил ей: консенсус, консенсус, а она возьми да откуси у него нос! Вот вам и консенсус! Этак нам тоже! Этак мы...»

Хохотали все, все, все, да так сильно, что разлетелись все пчелы и все время звенела люстра из бананов, а одна кукла до того досмеялась, что превратилась в свой оригинал и вылила в карман рассказчика с бородкой рюмку коньяка «Атаман Дзендзипер» и положила туда же ломтик обсосанного лимона.

Никто не понял смысл рассказа о потерянном носе курьезщика, но это не важно и не имеет решающего значения для ближайших перспективных катаклизмов, так как вообще в этом сборище в целом почему-то СМЫСЛ никакой роли не играл, и именно в этом, очевидно, был весь смак, или шарм, или шик... Очевидно, так – во всяком случае, я так думаю. А может быть... Кто его знает? Может быть, в этом-то и был частично, но достаточно... осязательный... Господи! Всели в нас – не в нос, а в нас – ВЕРУ В СМЫСЛ!

«Возмужавшие» мальцы привели двух священнослужителей, те освятили помещение – всё, всё, и все сгинули куда-то. Мгновенно! Прилетели ангелы и стали подметать пол вениками из огромных ромашек и васильков. Вернулись пчелы, где-то близко-близко запел соловей, а где-то далеко-далеко – закололилась церковушка, за ней другая, третья... Появившиеся священнослужители погладили мальчиков по уже поседевшим головкам, отняли у них страшной силы зажигалочки и подарили им по самой мудрой книге – Библии и сказали им: «Учитесь добру, учитесь у Бога!»

И я вернулся из сна на грешную землю. Грешную, трагическую, но родную и с огромными залежами смешного и доброго, особенно в шахтах будущего...

Самое важное – не затупить отбойные молотки на делах тщетных, авральных и глупых!!!

P.S. «Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами.

А вне – псы и чародеи, и любодеи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду» (Откровение Иоана Богослова, глава 22, стихи 14–15).

СОН ВТОРОЙ: ТРЕХСЕРИЙНЫЙ

На экране – первая серия.

Разносортные руководители в рубищах и с фонарями в руках, но живущие в золотых бочках... На вопрос «Как ваша фамилия?» все отвечают: «Диогеновы мы!»

На экране – вторая серия.

Все Диогеновы – их очень много (наверное, половина всех живущих на Земле) – собрались в пустыне. Над ними огромный транспарант – в высоту до Марса, а в длину – до горизонта и далее вокруг Земли: «Воскресают мертвые! Живущим сделать это очень сложно!» (почти по Ежи Лецу).

На экране – третья серия.

Крупным планом – писатель, воскресший Юлий Даниэль: «Взорвали Бога, а взрывной волной ранило и контузило человека!»

Титры. Конец.

Звучит на органе поп-музыка, звучит так громко, что еще живые мысли съеживаются, – они беззащитны... перед барабанами, комиссиями, президиумами и «мерседесами» с электронными деньгами, живыми электрогитарами с натянутыми недоучками из «мопсов», «такс» и «макак» вместо... струн.

СОН ТРЕТИЙ: «ГАВ-ГАВ!»

Запорожье. Я в гостях у однополчанина. На столе огромная сковорода с остатками яичницы на сале, миска с луком и свежими помидорами. И то, «шо в бутылках».

Однополчанин. Ну, шо? Ще трошки?

Я. Не-е-ет, брат... Хватит, не могу больше.

Однополчанин (берет с пола миску, вываливает в нее всё, что есть на сковороде и на столе, выливает туда же остатки того, «шо в бутылках»). Борочка! Борочка! (Свистит.) Иды, малэнька, иды сюды... Иды до мэнь...

Появляется мрачный, солидного возраста большой пёс охотничьей породы. Причмокивая, слопал и вылакал всё содержимое миски, облился, преданными, влажными, с красноватыми веками глазами посмотрел на хозяина, два раза хрипловато-басовито гавкнул – поблагодарил что ли? – и, чуть шатаясь, побрёл в другую комнату.

Я (пораженный увиденным). Хороша собачка!

Однополчанин. Да-а-а! Собачка хороший!

Я. На охоту берёшь её с собой?

Однополчанин. Не... сам хожу... без Борочки.

Я. Почему без Борочки?

Однополчанин. Ну куда его? Нюха никакого нэма... Спился собака... Борочка спилась! Псина была замечательный! Я её подобрал на улице! Как она радовалась! А знаешь, почему она радовалась? Потому шо я развеял его сомнение в том, шо человек – благодарная штука. А сомнения посеял тот, кто его бросил!

... Я подумал тогда, что единственная глупость, которую совершают животные, – чрезмерное доверие к человеку!

... Ночью снилось, будто сижу за столом в шикарном ресторане и чокаюсь с Борочкой, одетым в военный костюм, с пилоткой на голове, со значком гвардейским и... в очках!

Борочка спросил: «Ще будэмо? Гав-гав?»

– Не-е-ет, дорогой мой, хватит, – ответил я, еле-еле дыша.

Борочка вылил недопитую водку в вазу для фруктов, туда же положил остатки икры, огурцов, масла, лука, картошки и хлеба. Громко свистнул... На четвереньках приполз мой однополчанин, вылакал вазу мешанины, облился, гавкнул, забрался на стол и... превратился в майонез.

Борочка пролаял: «Спился хозяин! Гав-гав! У-у-у, собака нехороший! Гав-гав-гав!!!»

А оркестр заиграл что-то знакомое, современное и очень громко. Люди, сидевшие за столиками, не слышали друг друга, поэтому почти кричали и лаяли. Создавалось впечатление, что ты на псарне перед охотой.

Я тоже громко залаял и почувствовал, что виляю хвостом.

Проснулся в холодном поту и кинулся к зеркалу... Убедился, что хвоста у меня нет, и понемногу пришел в себя...

В ОЖИДАНИИ ВАРЯГОВ И ЦАРИЦЫ-ИМПЕРАТРИЦЫ

Лидия СЫЧЕВА,
г. Москва

Одна власть полицию отменяет, вводит милицию. Другая власть отменяет милицию, вводит полицию.

Одна власть отменяет названия дней недели, другая власть отменяет часовые пояса.

Одна власть отменяет Бога, Рождественские ёлки, разрушает храмы. Другая власть «возвращает» Бога, ёлки, но закрывает школы, клубы («оптимизация»), выбрасывает на улицу учителей.

Одна власть переименовывает улицы, города, называет их собственными именами. Другая власть отменяет эти переименования, возвращает старые названия, но при этом многие города, посёлки и деревни вообще исчезают с карты страны как депрессивные и неперспективные.

...Всякая власть у нас в стране страдает близорукостью и неадекватностью. Ей (власти) всё кажется, что раз у неё в руках власть, значит – она лучшая и единственно верная.

Это заблуждение. Часто власть – гримаса истории, ухмылка судьбы, стечение обстоятельств и несчастливая для окружающих «карма». Но что интересно, всякая власть хочет править в полной бесконтрольности, самой себе назначать зарплату «от пуза», уходить с работы, когда вздумается (лучше руководить до самой смерти, конечно) и не заморачиваться на темы демократической терпимости.

Русский народ, в смысле власти, патологически ленив – он будет голодать, вымирать, стонать под игом репрессий, но на власть никогда не покусится – в сущности, она ему не нужна. Норманы хотят править? Пожалуйста. Татары? Пусть. Поляки? Совсем уж было в Кремле их усадили, но потом чего-то одумались, прогнали. Поехали просить на царство Михаила Романова. Юноша, узнав о том, что его ждёт царский венец, упал на землю и безутешно плакал о своей судьбе, как о погибшей. Бояре уговаривали кандидата на престол аж шесть часов! (Трудно, конечно, представить, чтобы нынешние наши – любитель твиттера

и подводный археолог – вот так отпихивались от царства; мол, не хотим мы никаких вторых и третьих сроков, а желаем в Ипатьевском монастыре (Костромская епархия) дни свои в благочестивых молитвах проводить.)

Потом дошел черед немцев, полунемцев, четвертьнемцев и пр. При Екатерине Великой престол был крепок, но чем более наши монархи русифицировались, тем равнодушной они были к власти. Николай II государство выронил. О власти тотчас горячо заспорили евреи – Троцкий, Зиновьев, Каменев и ещё целый кагал революционеров, но победил грузин. Вскоре претендентом на русское царство вызвался немец Адольф; он пошел войной на Россию, в результате была перебита тьма народа с обеих сторон.

Современный этап: Сурков – получен, национальности представителей правящего тандема из деликатности обсуждать не будем. Но менталитет их, судя по тому, как они цепляются за власть, нерусский. Русский человек, сильно пьющий Ельцин, сначала парламент расстрелял, а потом от власти отказался. Почти Николай III! (Как сказал поэт: «Он ревновал царя к Ипатьевскому дому, И дом подверг ордынскому разгрому».) Или Горбачёв – тот и державу развалил самолично, а после пиццей пошёл торговать вместе с внучкой, как юродивый. Вот это по-русски, по-нашенски, с размахом! А Зюганов? Очевидно, что русский, на выборах в 1996 году победил, посмотрел на всё это, махнул рукой – зачем мне власть?! И без неё хорошо жить можно.

Лукашенко – не русский, белорус, за власть держится. Янукович? Украинец, не русский; из политпокойников воскрес, подучил мову, и – во власть! Конституцию поменял, Юлю – в тюрьму, Киев, отца городов русских, весь жовто-блакитными флагами завесил... Власть, своя рука владыка!

Глядя на нерусскую власть, народ иногда поднимает антиправительственные бунты. Допустим, князю Пожарскому и гражданину Минину не понравились заносчивые поляки. Поляков

подвинули. Емельян Пугачёв вознамерился немку Екатерину снять, а самому сесть. Не вышло. Бунты – показатель того, что власть совсем уж забылась, на каком свете она находится и в какой стране правит.

Обладает ли русский народ имперским мышлением? Это вопрос. Очевидно, что русские уживчивы и миролюбивы, умеют работать, если захотят, в том числе и умственно; но по своему мировоззрению русские – глубокие буддисты. Они говорят, глядя на окружающее безобразие: «А, пусть». Или: «Авось». Или: «Вот приедет барин, барин нас рассудит».

Русский человек сторонится соборности и коллективизма, это ему чуждо, несмотря на советские прививки энтузиазма. Русский предпочитает надеяться на самого себя, на урожай с огорода, в экстремальных случаях – на Господа Бога. Выборы – эффективная коллективная технология, но русские в неё не верят изначально. Для нас это слишком примитивно – власть через выборы. Бирюльки детские! Да и вообще, с властью русские никогда не соединяются сердечно. Мол, мы тут жили и жили спокойно, своими делами занятые, а вы тут со своими инициативами: то революция, то коллективизация, то модернизация, то индустриализация, то информатизация... Все эти «инновации», заметим, нужны власти, чтобы усидеть у власти. А русскому человеку ничего этого не надо. Он по натуре своей созерцатель. Солнышко светит – хорошо. Дождь пошёл – тоже неплохо.

Русский занят глобальными проблемами («есть ли жизнь на Марсе», например), но никак не поправками в действующее законодательство – «парламентаризм» для простого смертного звучит почти как ругательство. Это чужой, пришлой власти нужны законы, чтобы легитимировать своё присутствие; русскому законы не нужны, он живёт по наитию, а с законами, как и с властью, мирится, относя их на счёт «божьего наказания» за грехи своего собственного несовершенства. Русскому власть не нужна, он и без неё знает как жить и что делать.

Потому бесполезно звать к политическим инстинктам народа: у наиболее мудрой части населения они отсутствуют напрочь. Мудрая часть стремится к несуетливому достатку, к благополучию семьи и детей, к тому, чтобы дом был полная чаша, а дочь вышла замуж по любви и за хорошего человека... В сущности, до того, кто правит Россией, малочестолубивым людям нет никакого дела. Потому даже безумные олигархи народу нашему понятней, чем властолюбцы. Богачи как дети: для себя стараются, воплощают подростковые грёзы – кораблики покупают, машинки, до-

мики. Зато не лезут руководить другими, выдавая это за нравственный подвиг: мол, мы для народа жизнь положили, денно и ночью трудимся в поте лица своего аки святые...

Русский народ – воистину народ-богоносец, в душе он признаёт над собой лишь единственную власть – власть на небе, ей и подчиняется, а к власти земной относится с недоверием, и предпочитает эту ношу перепоручать инородным «активистам».

Посему ошибочны заявления тех, кто говорит: вот, мол, русский народ плох, он не годится для модернизации. Это неправда – русский народ с его традиционным дистанцированием от власти годится для чего угодно – хоть в космос его, хоть в ГУЛАГ – пластичность удивительная, власть может лепить из этой глины всё, что ей вздумается. Это вам не кавказские этносы, там эти штучки не проходят. Там подавай папаху, черкеску с газырями, кинжал за пояс, мерседес бронированный, почитание, и чтобы работать поменьше – вот это и есть власть!

А вот телереклама наших властей, похоже, делается для них самих, чтобы они не забыли, что как бы правят Россией. Народу, в сущности, всё равно. Путин? Хорошо. Медведев? Хорошо. Ходорковский? (Ну, если бы, допустим, и он.) Тоже можно, симпатичный брюнет, почти Нельсон Манделла.

Это одна из наших тайн – глубокое равнодушие к власти земной, жизнь в ином, непостижимом для власть предержащих изменении. Русские слишком живут чувствами, и слишком мало логикой, рацио. Народ, в котором северная созерцательность победила южный скифский темперамент.

Мэры, депутаты, высшие чиновники – процент уголовных преследований среди них выше, чем среди обычных (невластных) людей. Казалось бы, должно быть наоборот – социальные лифты (в теории) поднимают наверх лучших, а не худших. Но это положение дел никого не удивляет: на обычном уровне существует чёткое понимание – во власть идут никчёмные, ущербные, больные люди, не осознающие истинного смысла бытия.

Но, может быть, это система так построена, что она отбирает худших? Возможно. Но полное равнодушие народа к тому, как устроена эта система и кто будет им править, есть либо признак неизлечимой болезни, либо, напротив, богатырского душевного здоровья. Мол, никакой СПИД, иммунодефицит власти нас не возьмёт.

Теперь посмотрим на проблему в мировом масштабе. Все эти «замахи» (октябрь 1917-го, троцкистские лозунги, сталинская послевоенная переделка мира и т.п.), честно говоря, заканчива-

лись для нас плохо. Русские никогда не стремились к мировому владычеству (они и в своей-то стране к власти не стремятся, а в планетарном масштабе и подавно), и вот этот сознательный отказ быть первыми (хотя народ вроде бы на это и способен) тоже есть одна из загадок русской цивилизации. Участь первопроходцев, как известно, печальна. Где Великий Рим? Где Византия? Где третий рейх? А где будет США?!

Миролюбие русских теперь соседствует с прагматизмом китайцев. Пока наши власти имитируют бурную деятельность, народ безмолвствует. Он просто не понимает, как можно заниматься такими глупостями, как власть, когда смысл жизни совсем в другом. В чём? Народ этого не знает, но в том, что не во власти, это он знает точно.

Русский народ по своей сути глубоко нереволюционный. «Возжечь» его тяжело – он может ругать власть на кухне, на завалинке, в автомобильной пробке, в блоге, но для того, чтобы этот народ раззадорить, нужно что-то экстраординарное. Или совсем безумное. Мировая война, например (1917 год). Или мировая глупость (1991). Но от революций русский народ инстинктивно сторонится – ни одна из них не принесла ему счастья.

Русские националисты в чистом виде никогда у русского народа не пользовались большой популярностью именно в силу того, что намекали: задача русских – взять власть в свои руки. Это всегда вызывало внутреннее раздражение: власть у народа ассоциируется с дополнительными обязанностями, а не с внезапно свалившимися возможностями. Потому в России и не приживались (и до сих пор не прижились) партийные системы – эти игрушки русскому народу непонятны. Зачем эти имитации идеологий и убеждений, если, извините, с властью и так всё ясно?!

Власть всё время суёт народу всяческие надобья в виде реформ, народ же в ответ говорит только одно: «Да отстаньте вы!» «А управлять кем мы будем?!..» Это да, вопрос. Если бы власть дала народу развиваться свободно и самостоятельно, то сразу бы выяснилось – никакой власти не надо вообще. Если человек может управлять собою, он может управлять и государством. И если у нас большинство населения могут сами собой управлять, то зачем им сверху какая-то насильственная «вертикаль»?! Понятно, что ни один здравомыслящий слесарь или дворник (вполне управляющий собой и своим трудом) не мог додуматься до приватизации и залоговых аукционов. Ни одна более-менее квалифицированная кухарка не родила бы мысль о развале СССР (это нужно было только власти и тем, кто к ней рвался). И сейчас: ну зачем нормальному труженику с гор – шарир-

ат?! Это придумка властей, точно так же, как и показное православие – Кремлю.

Возникает вопрос: если власть русскому народу органически чужда, то как от неё, власти, избавиться? Куда её деть? В таких условиях нам годится только одна форма правления – монархия. Вечная, несменяемая, и ни на что не влияющая в стране. Тогда всё постепенно устаканится. Выборы будут не нужны – уже экономия денег, времени и людских ресурсов. Партии отпадут за ненадобностью, законодательные органы – тоже, и так принимали законов на двести лет вперёд. Губернаторов можно оставить назначенных – работать они будут лучше, потому что пересидеть им будет негде: главное, из страны их не выпускать. Хочешь власти? Пожалуйста. Но становись невыездным, вроде физика-ядерщика. Многие сами от такой власти откажутся.

Теперь обсудим кандидатуры на должность монарха. Многим нравится Никита Михалков – вот, мол, он и Манифест уже написал, и царя в кино играл, и род у него, вроде, дворянский, а отец вообще гимн государственный писал и переписывал. Все эти аргументы говорят «за», но уж больно дорогое у Никиты Сергеевича хобби! Разорит он своими кинопостанковками державу. Да и брат у него такой же талантливый.

Ещё две кандидатуры: Нарышкин и Шувалов. Оба – члены правительства, со знатными фамилиями. Отклоняем и их, потому как России-матушке нужна ныне заботливая рука матери-императрицы. Такая женщина есть! Позвать к нам на царство следует Ангелу Меркель. Во-первых, немка, народ в управителях для нас привычный. Во-вторых, толковая весьма – не чета Обаме и Берлускони; евро держит из последних сил, атлант и кариатида в одном лице.

Ну, а если Меркель немцы не отпустят, тогда надо обращаться к норманам. «Откуда есть пошла русская земля...» – туда и вернёмся. А что, вон Норвегия, нефтяное государство вроде нашего, а живут себе припеваючи при короле Харальде V. Так позвать этого викинга к нам! Между прочим, чемпион мира по парусному спорту, что авторитетно для отечественных яхтовых миллиардеров. Мужчина он спокойный, выдержанный, дочь его, принцесса Марта Луиза, психотерапевт – очень даже нужная профессия для управления Россией.

Веры, говорите, протестантской? Обратим в православие, у архимандрита Тихона (Шевкунова) прочувствованная книга, «Несвятые святые», недавно вышла. Издание с миссионерским зарядом. И там тоже намёк дан – мол, созрели мы для монархии.

Ну и отлично! Ждём-с. Давно бы так, а то всё демократия, демократия...

ВАРЕЖКИ

Рассказ

Наталья ЛИСИНА,
г. Омск

Дзынь! Дзынь! Зазвенел весёлый и задорный школьный звонок.

И тут началось такое... С лестниц, с боковых выходов вырвалась и понеслась, подобно изливающейся вулканической лаве, толпа счастливых учеников. Закончилась учебная смена! Свобода! Рыжие, чёрные головы ребятни сновали туда-сюда. Толкая друг друга, сбиваясь в плотную массу, старшеклассники, «затаптывая» младших, прорывались первыми к заветным дверям раздевалки.

В такие минуты гардеробщица тётя Маша (во избежание получения травм) прижималась к стене, выжидая спада движения неуправляемой детской массы. Сопровождаемые воплями и криками, оставшиеся учащиеся вламывались внутрь раздевалок: летели пакеты со «сменкой», падали на пол пальто и куртки, по ним топтались все, кому не лень... Постепенно накал страстей стихал. Фойе пустело. Настало время выводить первоклассников. Впереди колонн, как положено, шла учительница. Следом парами продвигались малорослые и робкие ребяташки. Среди валяющихся на полу курток, шапок, пакетов выискивали свои вещи. С грустными глазами (нередко и со слезами) отряхивали пыль с одежды и, низко склонив головы, выходили, усаживались на скамейки, чтобы одеться – обуться и пойти домой.

Обстановка вроде бы стабилизировалась. Вдруг раздался громкий рёв! Что случилось? Кого обидели?! Возле раздевалки стояла маленькая, худенькая, в расстегнутом коротеньком пальтишке, девчушка. Крупные слезы, одна за другой, словно играя в догонялки, скапывались по её веснушчатому бледненькому личику. Девочка плакала громко, надрывно. Плач вырывался из детской груди и не мог оставить равнодушным никого, кто находился поблизости. У ног, обутых в слегка стоптанные сапожки, стоял, удивлённо разинув «рот», не совсем новый портфель. Рядом, как бесхозный, валялся вывернутый наизнанку мешок для сменной обуви. Вязаная шапка сбилась на голове. Девочка продолжала громко плакать, не замечая никого вокруг себя. И столько горечи и боли было в этом плаче...

К ребёнку поспешили две старшеклассницы:

– Девочка, что случилось? Почему ты плачешь?

Та, вздрагивая маленьким тельцем, выдавила:

– Я ... я потеряла новые пуховые варежки с белой каймой, связанные любимой бабушкой из Альфиной шерсти...

– Да не плачь ты, успокойся. Сейчас ходим в твой класс и посмотрим там твои варежки. Они, наверное, лежат и посмеиваются...

Взяв бедолагу за руку, девушки пошли на второй

этаж. Осмотрели кабинет: заглянули в шкаф, в тумбочку, осмотрели укромные места – нигде не было варежек.

– Знаете, нужно сходить на вахту. Обычно туда приносят утерянные вещи.

Компания спустилась на вахту. Действительно, целый ящик до отказа был набит шарфами, шапками, разноцветными варежками – всяким детским тряпьем. Пересмотрели всё, но пуховых варежек с белой каймой из Альфиной шерсти, к сожалению, там не оказалось. Горемыка опять заревела громко, на всю школу.

– погоди реветь, слезами горю не поможешь, – успокаивали старшеклассницы.

– Я обморожу ручку, пока дойду до дома. Моя любимая бабушка огорчится, заболит от горя... Как я могла в первый же день потерять варежки?!

– Возьми мои перчатки, они тёплые, мягкие, а завтра принесёшь их в школу. Мой дом рядом. Я не замёрзну, – предложила одна из девушек.

– Как же я объясню пропажу варежек? И Альфа не даст мне больше своей шерсти на другие рукавички.

– Твоя бабушка любит тебя, а Альфа не пожалеет шерсти для хозяйшки, для старательной ученицы. Будут у тебя варежки лучше тех, что ты потеряла. А мы объясним твоим родителям, что всё произошло случайно, что ты нечаянно обронила в школе свои вещи.

По лестнице спускалась учительница нашей «Маши»-растеряши.

– Анечка, что случилось? Почему ты плачешь? У тебя опухли глазки и покраснел носик!

– Она потеряла новые пуховые варежки.

Учительница нежно обняла девочку, стала гладить её по головке, нашептывая какие-то волшебные слова.

– Анечка, давай застегнём пальто, поправим шапочку, вытрем глазки...

Анна Петровна стала поправлять на голове девочки шапочку. И вдруг сбоку показался уголок серой шерсти.

– Вот это фокус – покус! – радостно воскликнула учительница.

Осторожно потянув за кончик, вытащила из-под шапки серую пуховую варежку с белой каймой! А за ней и другую!

– Так вот где прятались от нашей Анечки пуховенькие хулиганистые варежки!

И все засмеялись громко, заливисто, как говорится, от всей души.

А через пять минут по дороге, ведущей к родному дому, вприпрыжку, размахивая стареньким портфелем, счастливая, с улыбкой на лице, «летела» кроха в коротеньком пальтишке, а на её маленьких ручках красовались пуховые серые варежки с белой каймой, связанные любимой бабушкой из шерсти собаки Альфы.

БОЙЦЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ФРОНТА

Виктор БУСАРЕНКО,
г. Владивосток

Что вы всё со своим театром?
Знаете, что в мире творится?!

Реплика руководителя.

Полработы начальникам не показывают.

Театральное правило.

К 50-летию установления Советской власти на Дальнем Востоке театр Горького ставил «Бронепоезд 14-69». В повести Вс. Иванова, по которой сделана инсценировка, партизан-китаец Син-Бин-У, пытаюсь остановить белый бронепоезд, гибнет под колёсами. Отношения наши с Китаем в те годы были далеко не дружескими. Поэтому комиссия крайкома партии на генеральной репетиции категорически потребовала убрать героический поступок столь сомнительного персонажа.

– Сделаем! – бодро откликнулся режиссёр Кузьмин. – Актёры, на сцену! Первым на рельсы ложится командир отряда. Вторым – его заместитель. Китаец – третьим. Не возражаете? Потом – все остальные.

– И что же – поезд их всех давит? – растерянно спросил представитель крайкома.

– Нет! – вдохновенно ответил режиссёр. – Поезд – останавливается!

Так и играли.

Известно, что на руководство культурой партия часто ставила людей, от культуры весьма далёких. Один такой назначенец пришёл в ТЮЗ на сдачу спектакля. Мнения своего он благоразумно не высказал, только спросил:

– Вы ремарки делали?

Поскольку слово «ремарка» означает авторские описания в тексте пьесы, постановщик растерялся и пролепетал:

– Да нет... А как это?

– Ну – как?.. Карандашом... Я знаю, что режиссёры их часто делают.

– А-а, вы имеете в виду вымарки, сокращения?

– Ну да, вымарки-ремарки – какая разница?

За деятелем прочно закрепилось прозвище «Ремарк».

Другая парт-дама руководила культурой «по линии» крайкома. Открывая лабораторию режиссёров Дальнего Востока, она начала вступительное слово так:

– Позвольте от имени крайкома партии приветствовать участников нашей ЛАБОРАТОРИИ...

В это время в зал вошло несколько опоздавших.

– Проходите, товарищи, – радушно пригласила их дама, – вот там свободные ТУБАРЕТКИ!

Лет 25-30 назад руководящие и направляющие органы требовали непременно включать в худсоветы театров представителей общественности: передовиков производства, комсомольских работников либо воспитателей детсадов – в зависимости от профиля театра. И вот, на обсуждении сказки «Аленький цветочек» в театре кукол, такой представитель – заслуженная учительница – высказалась так:

– В целом, спектакль хороший. Но Баба-Яга никуда не годится.

– А почему? – поинтересовался художник спектакля.

– А потому, что таких баб-ёг не бывает! – авторитетно объяснила педагог.

В театре кукол сдавали спектакль для взрослых «Несусветная комедия» – пародийное представление по мотивам древнеримского драматурга Плавта. Одна из сцен изображала лупанар – римский публичный дом, где для гостей плясали красотики различных стран и рас. Среди них была и «русская красавица» – большая кукла с пшеничной косой и голубыми глазам.

Представительница управления культуры категорически восстала против такого унижения соотечественницы.

– Русские девушки не продаются! – твёрдо заявила она.

Святая простота...

На приёмных экзаменах в институте искусств в состав комиссии театрального факультета всегда включался преподаватель главной в советское время кафедры – марксизма-ленинизма. Поскольку в компетентности его никто усомниться не смел, то и голосом он обладал полновесным, зачастую – решающим.

Последним испытанием для прошедших три тура был коллоквиум, где выяснялась степень эрудиции и общей культуры абитуриентов. Когда очередь дошла до пригланувшегося всей комиссии, явно одарённого паренька, марксист-ленинист задал ему достаточный лёгкий вопрос:

– Что говорил Ленин об искусстве?

Парень выпучил глаза и растерянно заморгал.

– Ну, вы же знаете эту фразу, много раз видели её. Она у нас на телецентре висит, – подсказал добрый

марксист. (На телецентре, действительно, красовалось изречение: «Искусство принадлежит народу»)

– Ну, вспомните: искусство...

На лбу абитуриента от непосильной работы мысли выступил пот.

– Ну, ну! Искусство...

– Искусство требует жертв!

Среди прочих театральных амплу существовало и столь редкое и потому особенно ценное, как «актёр на роль В.И. Ленина». Если в театре такового не водилось, то и театр считался каким-то неполноценным, второразрядным. С другой стороны, постановка с Лениным для режиссёра (и для актёра, само собой) – верный путь к наградам, званиям, премиям и иным карьерным выгодам. Поэтому все артисты ростом ниже ста семидесяти спали и видели – нацепить галстук в крапинку, надеть лысый парик и засунуть большие пальцы подмышки. Но для этого требовалось пройти ряд инстанций: худсовет, управление культуры, все местные парторганы, Министерство культуры, а окончательное «добро» давали спецы аж из института марксизма-ленинизма.

В нашем театре, конечно, были свои Ильичи, но давненько – годах в пятидесятых, а потом как-то поисскали... И вот в семидесятом, накануне ленинского юбилея, по театру пронёсся слух: «Едет! На роль Ленина!»

Действительно, вскоре главный представляет нового актёра, заслуженного не то Казахской, не то Узбекской ССР. Маленький. Не лысый, правда, но вроде даже картавит. Лицо интеллигентное, но для опытного глаза кой о чём говорящее... Во всяком случае, дока Шальников на сборе группы, внимательно новичка оглядев, обернулся и сказал негромко, с удовлетворением:

– Наш...

Начались репетиции, первый месяц – без костюма и грима. Спора нет – артист хороший, репетирует интересно. Коллеги к нему – с почтением, здороваются первыми: всё-таки вождя играет!

И вот наступил ответственный день приёмки грима. С утра артист с гримёром заперлись и колдовали над воссозданием бессмертного облика. А к двум часам прибыла высокая комиссия, расселась в зале. Помощник режиссёра вызывает Ленина на сцену, но тот почему-то не идёт.

– Ну, сходите, позовите его, – торопит режиссёр.

Помощник бежит и возвращается какой-то потерянный.

– Да где же он? – нервничает режиссёр.

– Он... не может выйти... – чуть слышно шепчет помреж.

– Что случилось?

– Заболел...

– Как заболел? – режиссёр прямо через сцену несётся за кулисы, влетает в гримёрку и видит...

Владимир Ильич, в своей чёрной троечке, задрав рыжую бородку и широко раскрыв рот, блаженно поживает непробудным, увы, сном. А на полу валяется пустая посуда из-под того напитка, который исторический Ленин, как известно, на дух не переносил...

Этот случай в истории театра потом долго фигурировал под кодовым названием «Ленин в разливе»...

У подножия Парнаса

Игорь ФЕДОРОВСКИЙ,

г. Омск

БАЛАГАНЫ

Помнишь ходили мы в балаганы
Там нас встречали страшные
четырёхрукие люди
помнишь как мы потом убежали
оттуда
а балаганы стояли
оболганные нами четырёхрукие люди
плакали а мы спокойно смеялись
и соседи хвалили нас за удаль

Поутру проснувшись мы вырвали
последний счастливый
но не повеселились вволю
балаганы казались нам вечными
но вошли в них завтра
и оказались в поле

Вера КРАСНОВА,

г. Долгопрудный

ГОРОДУ В.

Как напрочь и зло отвыкает
Оторванный лист от ветвей!
Но слеп он, тяжёл, неприкаян
Без вечной основы своей.
И я возвращаюсь, бродяга:
Есть в родине горький искус.
И что мне – парижи и праги –
В их глухо припавшей к виску
Тоске - с неизбежностью пули...
Мне б - в город, где бьётся с бельём,
Подкрылками заспанных улиц,
Бедовое сердце моё,
Где примет родителем скверик
В мозольную руку скамьи...
И я, атеистка, поверю
В сакральную силу семьи.
Всё будет! Тобою обещан
Мой День, и чуть большее – впрок,
Родной до сукровицы трещин,
Обласканный сном Городок...

Конкурс «Ребята нашего двора»

По итогам конкурса «Ребята нашего двора» жюри решило не присуждать призовых мест и наградить каждого участника конкурса.

Лауреаты получают диплом участника, подарочный набор закладок для книг «Писатели России» и книгу одного из известных литераторов-авторов «ЛитМ».

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **ОДИН** раз.
 2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
 3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (полностью) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).
 4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
 5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**). Текстовые файлы принимаются в формате **WORD**.
 6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Кóстылева.
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

ПОДПИСКА НА 2012 ГОД

	полгода	год
«Литературный меридиан»	350 руб.	550 руб.

Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора **Кóстылева Владимира Александровича** по адресу для корреспонденции:

**692342, Россия, Приморский край, г. Арсеньев-12, а/я 16,
ежемесячник «Литературный меридиан».**

Ежемесячник высылается почтой по указанному подписчиком адресу.
Никаких дополнительных затрат подписавшийся не несет.

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Рег. ПИ № **ФС 77-33178** от 18 сентября 2008 г.
Объём издания – 7 печатных листов.
Тираж 250 экз.
Номер подписан в печать по графику и фактически 5 февраля в 17-00.
Адрес издателя и редакции:
г. Арсеньев, ул. Островского, 8/1-20.
Отпечатано в ЗАО «Полицентр»,
г. Арсеньев, ул. Заводская, 5.
Дата выхода номера в свет – **15 февраля**.

АДРЕС ДЛЯ ПИСЕМ:

Россия, Приморский край, 692342, г. Арсеньев-12, а/я 16, ежемесячник «Литературный меридиан»,
Кóстылеву Владимиру Александровичу.
Тел. (+7) **914-666-1-999** (с 01.00 до 15.00 по Москве)
E-mail: **Lm-red@mail.ru**
Наш сайт: www.Litmeridian.ru
Номер счёта в системе Яндекс-деньги: **41001884919176**

**ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА, СОБРАННЫЕ АВТОРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИИ,
ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА, А ТАКЖЕ НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ,
И ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ.**

«Паруса» в канун нового года

24 декабря 2011 г. во Владивостоке в библиотеке Русского географического общества (Общества изучения Амурского края ОИАК) состоялось предновогоднее заседание литературной студии «Паруса», руководимой членом Союза писателей России Владимиром Тыцких. В это морозное утро в библиотеке было особенно многолюдно и тепло. За большим историческим столом собрались новички и мэтры, завсегдатаи и гости. Член Общественного совета, постоянный автор «Литературного меридиана», член Союза писателей России Вячеслав Протасов рассказал о тайнах загадочного верлибра и познакомил с произведениями выдающихся мастеров этого жанра от Уолта Уитмена до Давида Самойлова. На встрече состоялась презентация юбилейного, пятидесятого, номера «Литературного меридиана». Не обошлось без сюрпризов и поздравлений. Елену Ялынную студию поздравили с дебютом на страницах ежемесячника. Она впервые присутствовала на «Парусах», прибыв несмотря на двадцатиградусный мороз с острова Русский вместе с Еленой Пикалёвой. Новички студии представили собравшимся свою творческую работу – красочный буклет о Русском острове. «Литературный меридиан» приобрёл новых друзей и подписчиков. В ряды студиюцев, к нашей радости, вернулась из Чугуевки журналист Ольга Левашова, которая и сделала эту фотографию.

Подборку стихов
Марианы Смирновой
«Семицветики ICQ»
читайте на с. 13

Статью
Эльвиры Кочетковой
«Дорогие мои "Паруса"»
читайте на с. 4

Художественную
зарисовку
Виктора Бусаренко
«Бойцы идеологического
фронта»
читайте на с. 26

Отрывок из книги
Владимира Тыцких
«Мы ещё здесь»
читайте на с. 8

